

Хегай в кругу друзей

Хегай в кругу друзей

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

г. Старый Оскол
2019 год

УДК 75.03
ББК 85.143(2Рос-4Бел)6я434
Х-35

Издание осуществлено при финансовой поддержке УК «Металлоинвест».

Х-35 **Хегай в кругу друзей**: статьи и материалы / [статьи Владимира Нешумова, Рустема Кутуя, Надежды Кравченко, Бродера-Генриха Христианзена; стихи Лиры Абдуллиной; сост., подг. текста, и коммент. Л. Н. Анпиловой]. – Старый Оскол, 2019. – 84 с.: ил.: цв. ил., фото.

УДК 75.03
ББК 85.143(2Рос-4Бел)6я434

ISBN 5-7071-0189-3

Благодарим за предоставленные материалы МКУК «Старооскольский краеведческий музей», ГБУК «Белгородский государственный художественный музей», ГБУК «Рязанский государственный областной художественный музей им. И. П. Пожалостина», КГКП «Карагандинский областной музей изобразительного искусства» (Республика Казахстан), семью Хегай, С. П. Кошарного, С. П. Кошарную, Т. К. Нешумову, Т. Г. Брыжик, Л. И. Картавцеву, В. Н. Созаеву.

Благодарим за помощь в подготовке издания члена Союза писателей России Татьяну Ивановну Олейникову.

На обложке: И. Хегай. НАТЮРМОРТ С ЯБЛОКАМИ (ПАМЯТИ ЭЙФЕРТА).
2009. Собрание семьи Хегай

© И. Н. Хегай (наследники)
© Л. Н. Анпилова (составление, комментарии)
© МКУК «Старооскольский краеведческий музей»
© ГБУК «Белгородский государственный художественный музей»
© ГБУК «Рязанский государственный областной художественный музей им. И. П. Пожалостина»
© КГКП «Карагандинский областной музей изобразительного искусства»

От составителя

В 2015 году благодаря финансовой поддержке УК «Металлоинвест» вышел в свет альбом «Илья Хегай. Живопись». На это событие с благодарностью откликнулись не только многочисленные почитатели таланта художника из Старого Оскола и Белгорода, но и представители профессионального сообщества. В адрес авторского коллектива были присланы отзывы художников и историков искусства Москвы, Екатеринбурга, Владивостока, Воронежа, сотрудников Лермонтовского музея-заповедника «Тарханы», «Шаламовского дома» Вологодской областной картинной галереи и др. Это издание послужило толчком к научной систематизации и серьёзному искусствоведческому изучению творческого наследия художника: подтвердились сведения о трёх картинах Хегая, хранящихся в Рязанском государственном областном художественном музее им. И. П. Пожалостина; благодаря эскизам, опубликованным в альбоме, была атрибутирована картина Хегая «Портрет Героя Социалистического Труда чабана Айши Менлибаевой» в Карагандинском областном музее изобразительного искусства (Казахстан), хранившаяся там как работа «неизвестного художника». Случились искусствоведческие открытия и в Старом Осколе.

В семье Ильи Николаевича Хегая хранился свиток старых холстов, которые, казалось бы, не подлежали восстановлению. Все эти работы датированы серединой 1960-х – началом 1970-х годов, а потому представляют существенный интерес для понимания художественной эволюции автора. Степень сохранности холстов была различна, однако для экспонирования, представления их публике все они в той или иной степени нуждались в реставрации. Финансовую помощь в восстановлении картин Хегая оказали проверенные друзья – УК «Металлоинвест» и лично депутат Белгородской областной Думы, первый заместитель генерального директора – директор по производству УК «Металлоинвест» Андрей Алексеевич Угаров. В экспозиционный вид холсты приведены силами реставраторов Курской государственной картинной галереи им. А. А. Дейнеки. Значительная часть спасённых картин уже пополнила собрания художественных музеев Белгородчины. В сборнике «Хегай в кругу друзей» эти работы публикуются впервые.

В издание также вошли статьи и стихотворения, написанные несколько десятков лет назад ближайшими друзьями художника – поэтами В. Нешумовым, Л. Абдуллиной, Р. Кутуем, журналистом Н. Кравченко. В книгу включён перевод с немецкого очерка Б.-Г. Христианзена из каталога выставки Ильи Хегая в Зальцгиттере. Все эти материалы отражают непосредственное впечатление о личности художника и представляют безусловный интерес для всех, кто изучает или только начинает знакомиться с творческим наследием прославленного оскольского живописца.

Владимир Нешумов

Биография художника-живописца Ильи Николаевича Хегая
(по август 1990 года)

Немного истории. Между Японией и Китаем в 1895 году после Японо-Китайской войны 1894-1895 гг. был подписан Симоносекский договор, по которому Китай отказывался от своего сюзеренитета над Кореей, что создавало Японии благоприятные возможности для экспансии в ней. В 1897–1899 гг. США, Япония, Великобритания, Германия и Россия заставили Корею заключить ряд соглашений на предоставление им концессий. После Русско-Японской войны 1904–1905 гг. Япония установила протекторат над Кореей и в 1910 г. аннексировала её, превратив в колонию.

Такая военно-политическая ситуация на Дальнем Востоке привела к тому, что многие корейцы, не смирясь с колониальной зависимостью от Японии, вынуждены были покинуть свою родину. В настоящее время 46, 2 млн. корейцев проживает на территории КНДР и Южной Кореи, а 2 млн. — в других странах, в том числе СССР (по состоянию на 1980 г.) — 390 тысяч.

Таким образом, часть корейцев в конце прошлого и в начале нынешнего века переселилась из Кореи в Россию, в тогдашний Дальневосточный край, где природные условия были схожи с Корейским полуостровом, только — суровее.

В числе эмигрантов оказались бабушка и дедушка художника Ильи Николаевича Хегая по отцовской линии (переселенцы из Южной Кореи) и дедушка с бабушкой (Ким) по материнской линии — переселенцы из Пхеньяна.

Род Хегая (Хэ–Га), судя по Истории Кореи, изданной в СССР в 1957 г., восходит к четвёртому веку в одну из южных провинций феодальной Кореи, где по семейному преданию, в конце восемнадцатого века прапрабабушка Ильи Николаевича Хегая, урождённая Чань, измученная похождениями своего беспутного мужа (янбана), промотавшего почти всё своё состояние «на актрис», утопила фамильные ценности в болоте, прокляла род Хегаевский «до четвёртого колена» и повесилась. Род Хэ–Га после этого события стал приходить в упадок, захирел, и потомков раскидало по всему свету.

Дед Ильи Николаевича по отцовской линии, маленький, лысый, чёрный, бородатый, — сумасбродный владелец полуразорённого наследного поместья, в 1893 году в возрасте пятидесяти лет женился по сговору с родителями невесты на высокой шестнадцатилетней красавице, урождённой Чой. Невеста по традиции увидела жениха только тогда, когда слуги на паланкине принесли её под звон поместного колокола во владение будущего мужа на благоденствие в богатой семье

хозяйкой. Но барской жизни в поместье, границы которого определялись слышимостью звучания колокола, не получилось. Обстоятельства колонизации Кореи Японией сложились так, что супругам пришлось, бросив имущество на произвол судьбы, уйти на север, в Россию, чтобы осесть в небольшом корейском посёлке на окраине города Шкотово, расположенного между Владивостоком и Сучаном на берегу бухты залива Петра Великого Японского моря (132° 12 ′ восточной долготы и 43°15 ′ северной широты), где мужчины–корейцы рыбачили, работали на лесопильном заводе, в оленеводческом хозяйстве, а женщины возделывали огороды, рожали, нянчили и воспитывали детей. Родились там в семье Хегаев четыре сына и две дочери, судьбы которых (отца, дядьёв и тёток художника по отцовской линии) вкратце таковы: первый по старшинству — профессиональный рыбак, разделивший в 1937 году вместе с другими корейцами участь насильственного переселения с Дальнего Востока, умер в Караганде в возрасте 52-х лет от рака, плача от ностальгической тоски по Приморью, по водам Японского моря; второй — отец Ильи Николаевича (корейское имя Сун–Чари), 1900 года рождения, с 10-ти лет рыбачил, во время японской интервенции и гражданской войны партизанил, затем работал мотористом–кочегаром на Шкотовском лесопильном заводе, в 1927 году женился на девятнадцатилетней Дык–Си, дочери безграмотного, но работя-

СЛЁЗЫ КОРЕИ

1952.
Фото из архива семьи Хегай

щего эмигранта из Пхеньяна, служившего в Шкотовском оленеводческом хозяйстве, в семье которого было ещё четыре сына (дядья художника по материнской линии), после коллективизации вступил в сельхозартель имени Лазо, где за три года заработал мешок пшеницы и мешок гнилой картошки, последние годы жизни работал мастером по ремонту железнодорожных путей на Карагандинской ж. д. станции, умер в Караганде в 1960 году; третий — четырнадцатилетним удрал из дому на Дон к казакам, служил в Донском войске, вернулся в чине хорунжего с колчаковцами в Приморье, высокий, с окладистой чёрной бородой, что редкость среди корейцев, мастер вольтижировки и рубки лозы саблей, перешёл на сторону красных, на стороне большевиков участвовал в одном из завершающих сражений Гражданской войны при Волочаевской сопке, умер в возрасте 28-ми лет в г. Шкотово от ран и нервного истощения; четвёртый, младший, окончил в Шкотово русскую гимназию, хорошо рисовал, играл на различных музыкальных инструментах, сочинял стихи и песни, умер от тифа в возрасте двадцати пяти лет в г. Шкотово, уничтожив по непонятной причине перед смертью все свои рисунки и рукописи; одна из тёток вышла замуж и уехала на родину мужа в Китай, другая — после 1937 г. проживала в Узбекистане, несколько раз выходила замуж и умерла в Ленинграде в семье своей дочери.

Из семьи Хегая Сун–Чари (Алексея) и Ким Дык–Си (Дуси), отца и матери художника, образовавшейся в Приморье в 1927-м году, живы сейчас четверо: старший сын — художник-живописец Илья Николаевич со второй женой Татьяной Дмитриевной, с детьми Димой и Наташей от второго брака, дочерьми Нонной и Лорой от первого брака и внучкой Катей, дочерью Нонны, проживает в горо-

Илья Хегай
в мастерской

Фото
В.М.Смотрова

де Старом Осколе Белгородской области; две его младшие сестры: Нюра, 1935 г. р., и Вера, 1936 г. р., проживают в Молдавии, самая младшая Галя, 1946 г. р. — в Караганде. Остальные четверо детей Сун–Чари и Дык–Си умерли в младенчестве в годы Отечественной войны в Караганде от голода и болезней. Мать Ильи Николаевича умерла в Караганде в 1988 году, дожив до восьмидесяти лет.

Старший и единственный мальчик, выживший в семье, продолжатель рода, будущий художник, Илья (Илюза), по воспоминаниям матери, родился в разгаре лета, в то время, «когда зацветает тыква, и картошка становится величиной с куриное яйцо», в то время, когда людей окрыляют надежды на хороший урожай, на то, что свершится задуманное, в то время, когда самой Дык–Си (Дусе) было двадцать лет, а мужу её Сун–Чари (Алексею) — двадцать восемь. Жили они тогда на берегу бухты на окраине города Шкотово в просторном деревянном доме, обращённом лицом к морю, откуда по утрам из алой воды вставало алое солнце. Этот просторный деревянный дом, доставшийся семье Хегая после окончания гражданской войны, вскоре сгорел при невыясненных обстоятельствах. В доме общительных и гостеприимных Дык–Си и Сун–Чари (Дуси и Алексея) всегда собиралась молодёжь: пели песни, рассказывали на ночь страшные сказки, беседовали, засиживались заполночь... И вот однажды под утро (отца в это время не было дома) — загорелось... Мать Ильи, которому в то время исполнился год, проснулась от плача обмочившегося ребёнка, успела, схватив Илью, в чём была, выскочить из объятого пламенем дома и чудом уцелела с дитём; имущество, документы — всё сгорело. Вот поэтому в паспорте Ильи Николаевича Хегая, выданном в Караганде, время рождения из-за отсутствия «метрики» — свидетельства о рождении — указано весьма приблизительно — 20 сентября 1930 года, т. е. «по паспорту» Илья Николаевич моложе себя на два года. В довершение к этой неточности с возрастом при оформлении паспорта из-за неразберихи перепутано было и отчество: вместо Алексеевич паспортисты почему-то записали Николаевич. Когда родители обнаружили несоответствие, было уже поздно: никто не соглашался что-либо исправлять. Легче оказалось переименовать отца, у которого паспорта вообще не было, а имелась только справка, выданная 21 апреля 1937 года «члену сельхозартели «Лазо» п. Шкотово Хагаю Алексею в том, что он действительно...» Так Сун–Чари (Алексей) приобрёл третье имя: Николай. «А, какая разница!..» — махнул он рукой. Выпили — на том и успокоились, продолжая жить дальше, общаясь среди своих по-корейски, а вне семьи и родственников равнодушной государственной системе, действительно, было всё равно. Илью с рождения мать звала «Илюзой», и, хотя в отрочестве после перенесения опасной болезни суеверные родители дали ему корейское имя Нам–Не в честь врача–исцелителя–корейца, но это имя уже не привилось.

После пожара семья стала наживать новое имущество взамен утраченного на том же самом месте, только дом уже был не просторный и не деревянный, а маленький, глинобитный, под соломенной крышей. Но окна всё так же были обращены на восток к морю, и по утрам по-прежнему из алой воды вставало алое солнце... Отец редко бывал дома, по трудовой повинности находился то на промысле, то на сенокосе, то на уборке урожая, то на лесозаготовках... Мать нянькала сына Илюзу и выращивала на огороде и в поле (благо, земли было вдоволь) пропитание семье: кукурузу, фасоль, сою, картошку, кабачки, тыквы, бобы, редьку–сай, корейскую некачанную капусту, пе-

рец, горох, лук, чеснок, — всё, что могло пойти в пищу и произрасти в Приморском крае, где лето жаркое и влажное, осень коварна уносящими урожай наводнениями, зима относительно тёплая, а весна промозглая от ветров с холодного течения, омывающего побережье, по-научному — муссонный климат.

Жили в трудах и безденежье практически натуральным хозяйством, сытости не знали, но и не помирали с голоду. Илья рос подвижным, любознательным, таких называют: «хочу всё знать», или «к каждой бочке затычка»; везде он совал свой нос, получая подзатыльники и «пендали» за вездесущесть и любопытство, но не было сил унять раздиравшее: «А что там?» — всё надо было увидеть, усмотреть, узреть, запомнить...

С бабушкой ходил в тайгу за травами, ягодами, грибами, орехами манчжурской лещины и корейского кедра, за уссурийским диким виноградом, китайским лимонником, за папоротником, черемшой, диким луком... Приглядывался: что, где, когда собирать, как срезать, срывать, как и где сохранять впрок — сушить, солить, сахарить... Как растёт манчжурский дуб, корейская корявая берёза, дерево ильм, дерево граб, дерево бук... Познавал элеутерокок (чёртов куст), ландыш–цветок, ландыш–ягоду, землянику, чернику, смородину, черёмуху... Созерцал, раскрыв рот, красоту таёж-

МАРТ

1981. ДВП, масло.
Частное собрание,
г. Старый Оскол

ных цветов: белое, оранжевое, зелёное, фиолетовое, чёрное, красное, алое, жёлтое, синее, голубое, рябое, пятнистое, полосатое... Всё западало в душу будущего живописца, чтобы потом, много лет спустя, преобразуясь, возродиться в картинах.

Путался у матери под ногами на огороде, присматривался, как произрастает овощ на грядках, и — как бы чего съесть... Ходил с отцом на лодке в море рыбачить, — иногда в сети кроме рыбы наваги попадался лангуст или краб. Добывали морскую капусту. С мальчишками «до посинения» купались в бухте, загорали на песчаной косе; ныряя с камнем под мышкой, ловили маленьких проворных крабиков–«бздунов», жарили их на костре...

Осенью — ответственное мужское дело: заготовка на зиму кеты и красной кетовой икры. В сентябре лососевые: сим, кета, горбуша густо шли на нерест в верховья рек. По берегу протекавшей поблизости речки Артёмки верхом на белой лошади разъезжал «мильтон» — объезчик, охраняя рыбу от браконьеров. В обязанность Ильи входило «стоять на шухере», давать знать отцу, сидевшему в кустах черёмухи наготове со снастью, мешком и топориком, что «мильтон» проехал. Тогда отец, забив обухом топорика чуть выше кромки воды в землю берега кол, закидывал в речку снасть — остроотточенный крюк с бородком, укреплённый суровой ниткой за цевьё к прочному бамбуковому четырёхметровому шестику и подстрахованный за ушко шнурком с петлёй для руки. Упираясь ногами в землю, а животом во вбитый кол, маленький, жилистый, шустрый, он выхватывал из воды серебристых четырёх–пятикилограммовых самок, чёрно–красных клювокрылых самцов и глушил их обухом топорика. Отбирали в мешок пять–шесть самок кеты и торопились домой, подхихикивая над объезчиком: «Караульщик сраный, — лошадь белую за пять вёрст видать!..» Раз десять приходилось сходить на речку, чтобы на всю зиму запастись кетой и икрой. Рыбу солили в кадушке вперемежку с редькой: на дно ошпаренной дубовой кадки укладывался слой нарезанной кружочками редьки–сай с пряностями и солью, затем слой распластанной кеты, потом опять — слой редьки, и так — до заполнения; сверху — деревянный кружок и гнёт. Отдельно солили красную икру.

Заготавливали бочонок иваси специального посола, с мая навяливали связки янтарной корюшки, запасали вороха сушёной морской капусты, снизки сушёного папоротника. Солили черемшу, корейскую некачанную капусту с морковкой, с чесноком и перцем... Так и питались: кукурузная каша (зерно рушили и мололи в ступе вручную), кукурузные лепёшки, фасоль, бобы, каша из тыквы, жареные кабачки, салаты из трав, жареный папоротник, картошка во всех видах, рыба, мидии, морские гребешки, трепанги, реже, как лакомство, — осьминоги, кальмары, крабы... Покупался лишь хлеб, да и то изредка. Деньги на покупку хлеба добывались продажей овощей, лука, чеснока. Мать навяжет пучков зелёного лука, Илья тащит корзинку к лавке: продаст оптом военному из близрасположенного гарнизона, поставит крестик в отчётной интендантской бумажке (расписываться ещё по малости лет не умел), купит пару круглых караваев ржаного хлеба, и — дома праздник. Только не любил Илья торговать — стеснялся...

Мясо в рационе бывало исключительно редко. Это традиционно у корейцев. Но ежегодно выращивался кабанчик. Видимо, у родителей Ильи сильны были языческие традиции, потому что,

когда приходила пора, и кабанчика закалывали, взрослые совершали древний обряд: относили лучший кусок мяса к жертвенному дубу на сопке, и только после этого разрешалось приготавливать из вожделенной свинины всевозможную вкуснятину, а готовить еду и мама, и бабушка умели. Илья, с малых лет присматриваясь и перенимая, сохранил традиции корейской кухни до сих пор.

Ко всему зорко присматривался маленький Илюза, накапливал в себе впечатления; зоркая детская наблюдательность, совершенствуясь, достигла со временем острой юношеской прозорливости, которая в зрелом возрасте превратилась в прозрения картин.

Но это в будущем. А пока семья колотилась в трудах и заботах о хлебе насущном. Отец отсутствовал на работах в сельхозартели, мать и бабушка хлопотали по хозяйству. Илья водился с родившейся в 1935 году сестрёнкой Нюрой. В сентябре 1936 года он сам пошёл учиться в первый класс русской школы города Шкотово, безотчётно стремясь к свету грамоты...

А между тем, наступил 1937 год, переломный в судьбе всех корейцев и китайцев, проживавших в Дальневосточном крае СССР. Корейцы были первыми в стране, на ком пролетарская диктатура произвела акцию депортации н а р о д о в, ставшую после «обыденной» и «привычной». Какие потайные пружины политической игры побудили власть произвести насилие над мирным корейским народом: боязнь ли японской интервенции, страх ли перед возникновением «пятой колонны» в случае войны с Японией?.. Это ещё предстоит осветить объективному слову историков. Пока же молчит публицистика, журнальные публикации повествуют о более поздних преступлениях большевистского режима, о насильственном переселении крымских татар, малых народов Северного Кавказа, поволжских немцев... О корейцах, первых, вкусивших прелести геноцида, пока молчат.

А тогда по стране ходили слухи о японских шпионах и диверсантах, в городе Шкотово упорно говорили о выселении корейцев; кто верил слухам, кто не верил... Кроме нагнетания ненависти к «врагам» и призывов к «бдительности» официально никаких заявлений со стороны властей обнародовано не было. Япония и Китай выражали готовность принять эмигрантов обратно...

Всё свершилось быстро, беспощадно и подло. Власти дождались осени, когда люди убрали урожай, сделали заготовки на зиму. До этого держали всех в неведении, вероятно, специально, чтобы присвоить летний труд целого народа, — всего ведь не увезёшь... Да и не дали практически ничего взять с собою.

Утром пятого октября 1937 года к дому Хегаев подкатила «полуторка». Из кабины вышел человек в форме и огласил приказ: немедленно собираться, грузиться в машину, на станции Озёрные Ключи ждёт эшелон. Заголосили женщины, собрались соседи... Отца не было дома. Мать и бабушка увязали одежонку и постели в узлы, упаковали посуду, кухонную утварь и кое-какую еду, собрали в дорогу детей: Илью и Нюру... Человек в форме милостиво разрешил взять с собою семейный казан, в который изо всех сил вцепился Илья... Соседи, русские, собрали 300 рублей денег... Погрузили в кузов грузовика немудрящий скарб, забрались сами, человек в форме сел в кабину, заплакали, поехали... На станции ждали подвыпившие отец и дядя. Перегрузились в «телячий вагон», указанный человеком в форме. В один такой вагон помещали по нескольку семей... Вечером сформированный эшелон в сопровождении военной охраны — «защиты от народного гнева», двинулся от восточной

окраины страны, от побережья Японского моря, от Волочаевской сопки на запад. Куда? Никто ничего не знал. Военная тайна. Почему? По воле «гения всех времён и народов, отца и учителя»...

Так начинался в стране великодержавный геноцид народов.

Везли через всю Сибирь больше месяца. Маленькому Илье дорога запомнилась грохотом колёс, туннелями скалистого берега Байкала, плачем сестрёнки, вонью горшков, долгими стоянками на каких-то неведомых безлюдных разъездах, бесконечными поисками воды и еды, боязнью потеряться, отстать от эшелона...

К пункту конечного назначения прибыли в середине ноября. Выгружаться было приказано на маленькой ж. д. станции в ста километрах от Караганды, в степи. Шёл снег. Впервые увидели верблюдов. Увидели казахов, одетых в полушубки и тулупы, в лисьи треугольные шапки... Поняли — край суров, и грядущее зимой без припасов, без надёжного жилья, в неизвестности, где и как заработать деньги на прожитьё — темно и безотрадно. Повеяло холодом, голодом, болезнями и смертью.

Портрет Хегая
Фото В. М. Смотрова

Военная охрана распределила привезённых корейцев по колхозам. Женщин и детей семьи Хегая временно разместили в юрте казахского села. Глава семейства Алексей «самораспределялся» две недели и, «скорешившись» с шофёром, 1 декабря 1937 года пригнал в село грузовик, к вечеру перевёз семью к постоянному месту будущей жизни на окраину Караганды.

Сверху из кузова грузовика в темноте на белом снегу различался автомобильный след и по обеим сторонам от него — ряды горизонтально расположенных на равном расстоянии друг от друга чёрных светящихся прямоугольников. Грузовик остановился возле одного из чёрных прямоугольников, оказавшимся входом, ведущим вниз, внутрь зловонной землянки, полной блох и гнили, с земляным полом, с окнами в потолке. Зажгли свет, перенесли вещи, стали ночевать. Утром огляделись: таких землянок набиралась целая улица возле базара на окраине городка Горняков 3-го угольного бассейна Сталинского района Караганды. Плоские дерновые кровли землянок отстояли от уровня земли примерно на полметра, «по пояс пацану». Бегая по кровлям, дети иногда проваливались ногой внутрь жилья. В этой землянке прожили двенадцать бесконечно долгих лет, до тех пор, пока не вырос Илья и не построил собственный дом в соседнем Кировском районе Караганды.

А пока построили из горбыля два сортира на всю улицу и стали жить-голодать... Сун–Чари (Алексей) скитался в поисках работы. Нигде не брали, обзывая японским диверсантом; случайно перехватывал рублей по двадцать в неделю вместе с бригадой таких же не имеющих постоянной работы переселённых корейцев на товарной железнодорожной станции. Через год ему «крупно

повезло»: приняли землекопом в строительно-монтажный участок, затем удалось временно устроиться путеукладчиком на железной дороге, и в 1939 году — взяли кочегаром на лесопильный завод.

В 1938 году в семье родилась ещё одна девочка — Вера. Осенью 1939 года Илья пошёл учиться снова в первый класс в Карагандинскую среднюю школу.

Временное полуголодное «благополучие» окончилось и надежды выбиться из нищеты развеялись с началом войн: сперва — Финской, затем — Великой Отечественной...

Что только не предпринимала семья, чтобы спастись от всеуничтожающего голода... Пекли из чудом доставшейся муки и продавали пирожки, торговали семечками, просто побирались на базаре... После закрытия базара вечером собирали на мусорках остатки овощей, капустные и свекольные листья, варили «бурду»... только что не воровали... Родились один за другим и умерли в младенчестве четверо детей: два мальчика и две девочки... Чёрные кошмары голода перестали сниться Илье Николаевичу только два года назад, в 1988-м.

В 1942 году Илье пришлось бросить школу. Возобновил он учёбу после окончания войны в 1945 году, пойдя сразу в шестой класс. Одновременно, ощущая тягу к рисованию и непреодолимую страсть стать художником, начал заниматься в изостудии шахты имени Кирова под руководством художника-живописца профессора Владимира Александровича Эйферта[1].

В узле, территориально называемом Карагандинским угольным бассейном, пересекались тогда жизненные пути множества различных людей. Кроме коренных жителей — казахов и уйгуров,

ЭТЮД.
КАРАГАНДА

1955.
Холст на карт., масло.
Собрание семьи Хегай

ЭТЮД.
ТЕРРИКОНЫ

1955.
Картон, масло.
Собрание семьи Хегай

проживавших в соседних колхозах и совхозах, здесь «тянули срока» зэки Карлага ГУЛАГА, в том числе и «58-я статья» — «враги народа». Сюда, в особлаг «Долинка» после «Марфинской шарашки» был переведён з/к Щ-854 А. И. Солженицын, отбывала ссылку неугодная сталинскому режиму в условиях «всё обостряющейся классовой борьбы» «гнилая интеллигенция», вкалывали, помирая от голода и болезней, «спецпереселенцы», работали «вольняшки», давая на гора «стране угля, хоть мелкого, но много», рубал уголёк Стаханов, раздувая «пламя социалистического соревнования», гонялись «за длинным рублём» вербованные, клубились по «малинам» и «хазам» от выхода «на волю» до очередной «посадки» уголовники всех мастей...

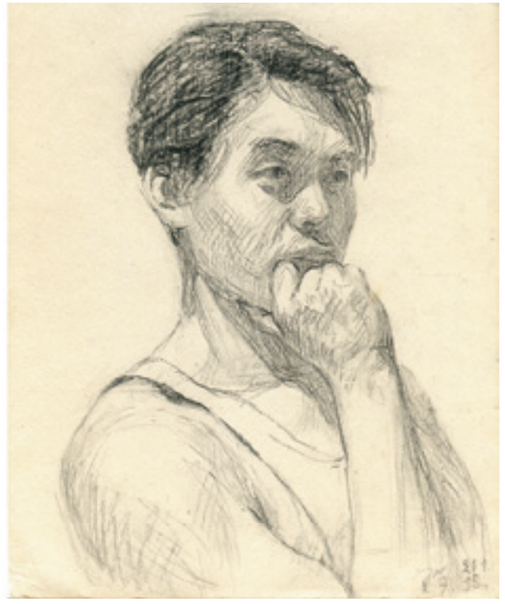
Сошлись здесь судьбы Ильи Хегая, будущего художника, и Владимира Александровича Эйферта, художника к тому времени уже состоявшегося, мальчика-ученика и мастера-учителя...

Провидению было угодно, чтобы родившийся в 1882 году в Саратове на берегу Волги под лодкой поволжский немец, получивший живописное образование в Петербурге, соратник Грабаря в собирании коллекции полотен художников Западной Европы второй половины XIX-го и начала XX-го века для музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, объездивший Италию, Францию, Испанию, Германию, бывший в 20-х годах в гуще художественной жизни Москвы, сосланный в Караганду перед войной «по национальному признаку», известный художник-живописец, эрудит, носитель культуры Запада, профессор В. А. Эйферт передал свои знания и опыт спецпереселенцу мальчику-корейцу, нёсшему в себе страсть и уготованную свыше участь стать художником, таящему в себе генофонд культуры Востока, И. Н. Хегаю.

В изостудии, руководимой В. А. Эйфертом, наряду с другими студийцами занимались пятеро «фанатиков», не жалевших ни сил, ни времени, ни здоровья для овладения секретами мастерства, а среди этих пятерых выделялся Илья Хегай, особо отмеченный В. А. Эйфертом тем, что после своего ухода на пенсию в 1956 году он передал руководство изостудией «по наследству» ему — двадцатишестилетнему выпускнику.

Рослый, круглоголовый, в круглых очёчках, в извечной тюбетейке, не пивший и не куривший, Эйферт на студийцев не «давил авторитетом», а всячески поощрял их самодеятельность, на занятиях рассказывал о своей учёбе, о своей жизни, о революции, о странах, в которых ему удалось побывать, о своей любимой прошлой работе, о старых мастерах-живописцах, о современной живописи, об искусстве... Приучал учеников к гармоничному восприятию мира, приучал к музыке, к чтению, призывал всячески обогащать себя, и, главное, — работать, работать... Только ежедневными упражнениями, говаривал он, преодолевается скованность перед чистым листом бумаги, перед белым холстом...

На жалобы Ильи о том, что этюд что-то не удаётся, усмехался: «Это капризная дама-живопись тебе говорит: ты за мною, мальчик, не гонись!..» Успокаивал: «Терпение, мой друг, терпение. Всему своё время. Работай». И Илья трудился без праздников, без «выходных», без летних каникул... В семь утра на велосипеде гнал в студию; после занятий, обедая на ходу, — на этюды до пяти-шести вечера; дома заставлял позировать родственников и знакомых; ночью штудировал историю искусств и анатомию; спал по три-четыре часа в сутки...

СЕРИЯ УЧЕНИЧЕСКИХ АВТОПОРТРЕТОВ

1954–1955 гг. Бумага, уголь, карандаш. Собрание семьи Хегай

Просматривая ученические этюды тех лет, Илья Николаевич вспоминает: «Канавокопатель движется, и я шагаю вслед за ним с этюдником, чтобы не потерять ракурс...» Удивляется: «Чтобы это засохшее дерево на обрыве написать, двадцать километров протопал по жаре пешком, сейчас бы так не смог...» Спрашивает: «Как это? Могильный дух передал верно — кресты столбов линий электропередач и терриконы... А ведь тогда об этом не думал...»

В 1947 году, решив подзаработать, чтобы поехать учиться в Алма-Ату (к тому времени корейцам уже было разрешено перемещение в пределах Казахской ССР), Илья устроился забойщиком в Май-Узекский рудник Карагандинской области, где шахтным способом возобновили после войны прерванную ранее добычу золота. Помахав кайлом в сверкающих «блеском богатства» кварцевых разломах и надышавшись реальной силикозной пылью, он на следующее лето подался на более «перспективный», в смысле заработка, вольфрамовый рудник той же Карагандинской области — рудник имени Джамбула, в шахте которого приобрёл ревматизм. Поняв безнадёжность собрать таким способом необходимую для учёбы сумму, занялся изготовлением и продажей на базаре в Караганде «ковров» с русалками, лебедями в пруду, голубками и голубками, исполненных масляными красками на бязи по трафарету.

Осенью 1948 года, скопив деньги на дорогу, Илья поехал в Алма-Ату и поступил в Алма-Атинское театрально-художественное училище, где проучился два года, живя в общежитии с таким же безденежным Алексеем — бывшим беспризорником из Краснодона. Кормились, «сперев» в актовом зале училища занавес, разрезав его на кусочки и продавая на базаре любителям в виде написанных собственноручно «с выдумкой» шикарных «ковров»... В 1950 году, не окончив училища из-за голодухи, он опять вернулся в Караганду, в родительскую землянку, в изостудию В. А. Эйферта. В этом же году Илья женился на 19-летней Раисе Александровне Цай, которая ждала от него ребёнка, и в июле 1950 года у них родилась дочь Лора.

Проживая пока у родителей жены, отец которой работал директором детдома, Илья приступил к строительству своего первого собственного дома на выделенном горисполкомом участке в Кировском районе Караганды. Делал почти всё сам. На фундаменте из бутового камня связал из брёвен, бывших опор ЛЭП, каркас и стропила; из шпал б/у, вставляемых стоймя в пазы между нижними и верхними брёвнами каркаса, набрал стены; плахами, разрубленными вдоль стойками шахтной крепи, настлал потолок и вывел перегородки; внутри и снаружи крест-накрест обил стены и потолок дранкой, обмазал-отштукатурил глиной с соломой, побелил; потолок на чердаке засыпал шлаком... Денег не было. Строительные материалы «доставал» на железной дороге и на угольной шахте. Обрезные доски на пол, горбыль, шифер и рубероид на кровлю «достали» друзья отца на лесопильном заводе. Оконные рамы, коробки и полотна дверей заказывал «в частном порядке». Дом получился добротным: прочный, тёплый и сухой, — «как сундук».

Всё это время Илья умудрялся продолжать упорно заниматься в изостудии Эйферта, и в 1952 году пришёл первый успех — участие в республиканской выставке казахских художников в городе Алма-Ате, где была представлена отобранная худсоветом его графическая работа под названием «Слёзы Кореи» — портрет жены Раисы Александровны. С этого момента Илья Николаевич Хегай

ЭТЮД.
КАНАВОКОПАТЕЛЬ

1955.
Холст на картоне, масло.
Собрание семьи Хегай

регулярно участвовал во всё время проживания в Казахстане в республиканских, ретроспективных, передвижных, международных выставках художников Казахской ССР.

В 1953 году перебрались в новый дом всей семьёй: бабушка, мать и отец Ильи, три его младшие сестрёнки Нюра, Вера и Галя, родившаяся в 1946 году, жена Раиса Александровна с дочкой Лорой, а 25 декабря 1953 года родился у Ильи Николаевича старший сын Владимир.

В 1956 году Хегай принял от Эйферта, ушедшего на пенсию, руководство Карагандинской изостудией. В 1957 году, получив «чистый паспорт», позволявший «свободное перемещение в пределах Советского Союза», он сразу же предпринял попытку поступить в Москве в художественный институт имени Сурикова, но не прошёл «мандатную комиссию»; в том же году поступил в Ленинградскую академию художеств, но вскоре зимой 1958 года вынужден был бросить учёбу в академии, т. к. от сырого ленинградского климата обострился ревматизм. Вернулся в Караганду и начал работать в Карагандинском художественном фонде.

В 1960 году умер Сун–Чари (Алексей — Николай) Хегай — отец Ильи Николаевича, не успев выйти на пенсию по старости, дожив в своей беспокойной, полной лишений жизни до шестидесяти лет, работая последние годы мастером по ремонту ж. д. путей на Карагандинской железнодорожной станции, худо-бедно, но поднявший к жизни одного сына и трёх дочерей. «Я красный партизана!..» — загорался он, бывало, выпивши, задирал рубаху: «Раненый вражеской пулей!..» — хвастал революционными подвигами юных лет. «Какой ты партизана, ты — бандита...» — урезонивала его супруга Дык–Си (Дуся), мать Ильи Николаевича, припоминая мужу случай, когда ещё до женитьбы двадцатилетний красный партизан с товарищами экспроприировал у семьи будущей жены день-

ги, выручennые за проданного кабанчика, а Дык–Си, тогда ещё будучи двенадцатилетней девочкой, запомнила молодца-горлопана-партизана, героя, будущего мужа.

Отгорела жизнь отца, остановилось его изношенное сердце. Илья Хегай остался старшим в семье.

В том же 1960 году в возрасте 78 лет скончался Владимир Александрович Эйферт — учитель Ильи Николаевича Хегая. После смерти Эйферта осталось художественное наследие мастера: около семидесяти картин, написанных им в разные годы. Вдова профессора сперва отдала картины Эйферта на сохранение Хегаю, его любимому ученику, но затем забрала их у него, и, если к настоящему времени картины уцелели, то они должны находиться у председателя Чемкентского отделения союза художников Казахской ССР Ю. Евсеева в г. Чемкенте [2].

В 1961 году на 86-м году жизни умерла бабушка Ильи Николаевича, которая 60 лет назад 16-летней вышла замуж за янбана Хэ–Га в Южной Корее, затем эмигрировала с мужем в Россию, в город Шкотово тогдашнего Дальневосточного края и вот закончила жизненный путь в Казахстане, в Караганде, в доме внука, нянча правнуков Лору и Володю. Умерла она, уснув, отказавшись принимать пищу. До конца своих дней никак не могла смириться с нищетой, сохраняла аристократические замашки...

В 1962 году родилась младшая дочь от первого брака Нонна. В том же году Илья Николаевич перевёлся работать во вновь организованный филиал Карагандинского художественного фон-

ПОРТРЕТ СЫНА ВЛАДИМИРА

Ок. 1959. Холст, масло.
Собрание семьи Хегай

ЭТЮД. ЗАСОХШЕЕ ДЕРЕВО

1950-е. Холст на картоне, масло. Частное собрание, г. Старый Оскол

да в город Темир-Тау, расположенный в сорока километрах от Караганды, где у него оказывалось больше самостоятельности. Семья оставалась проживать в Караганде.

В Темир-Тау Илья Николаевич получил от худфонда мастерскую, очень интенсивно работал, регулярно приглашался участвовать в выставках, несколько его полотен были закуплены Алма-Атинской галереей, пришло признание, появились в газете «Темир-Таусский рабочий» публикации о молодом талантливом живописце, нужда потихоньку отступила. Хрущёвская «оттепель» успела непродолжительно обласкать художника своим дуновением.

А вот в семейной жизни Ильи Николаевича после тринадцатилетнего супружеского сосуществования с властной, умной... и трезво-расчётливой Раисой Александровной наметилась трещина... Илья всё реже приезжал в Караганду. И в 1968 году супружеский монолит лопнул.

Гадалка на базаре нагадала художнику по линиям ладони и лица гибель ему, если продолжится совместный путь Хегая с урождённой Цай. Предрекла ему и ещё кое-что, впоследствии сбывшееся...

В декабре 1968 года приглашённый художником Кимом на юбилей его брата, тридцативосьмилетний, имеющий уже известность «в кругах», элегантный Илья Николаевич познакомился с двадцатилетней красавицей Татьяной Дмитриевной, дочерью юбиляра Дюк–Сена (Дмитрия)

НАТЮРМОРТ

Холст, масло.
ГБУК «Рязанский государственный областной художественный музей им. И. П. Пожалостина»

Кима, переселённого в Казахстан из Сучана Приморского края. Мама Татьяны Дмитриевны была русская — Раиса Семёновна Третьякова, родом из Куйбышева.

И занялась, и разгорелась любовь...

Разрыв с первой женой был мучителен и труден. Трое детей... Раиса Александровна дала согласие на развод лишь через семь лет, когда детям Ильи Николаевича и Татьяны Дмитриевны, сыну Диме исполнилось шесть лет, а дочери Наташе — три года.

Так они и жили... Илья — в мастерской в ежедневных трудах — погоне за вечно ускользающей капризной дамой по имени Живопись, Татьяна — у родителей.

В 1967 году после участия в ретроспективной выставке Карагандинских художников в городе Алма-Ате Илья Николаевич Хегай был принят в члены Союза художников СССР[3]. В том же году на творческой даче Союза художников в Паланге он познакомился с известным московским живописцем Виктором Попковым[4]. Имея одинаковые взгляды на искусство, совершенно разные характерами и манерой письма, они сразу же подружились, и дружба эта, взаимообогащающая двух художников, не прерывалась вплоть до трагической гибели Попкова. Приезжая в Москву, Илюша

всегда останавливался у Вити в Брянском переулке, 6, и беседам их, казалось, никогда не будет конца...

В 1969 году Илья Николаевич Хегай получил официальное приглашение от председателя Рязанского отделения Союза художников РСФСР, художника-монументалиста Владимира Иванова переехать на жительство в город Рязань с гарантией предоставления мастерской и квартиры[5]. Радостно поверив в обещанное, Илья немедленно выехал (пока один) из Темир-Тау в Рязань и три с половиной года маялся в мастерской, в которой негде было повернуться, надеясь вот-вот получить обещанную квартиру, чтобы перевезти туда новую семью: в 1969 году родился сын Дима, а в 1973 году родилась дочь Наташа.

Работал, несмотря ни на что всё так же усердно, участвовал в областных, передвижных выставках по Рязанской области, три его картины были приобретены Рязанским художественным музеем. Татьяна Дмитриевна по-прежнему жила у родителей в Темир-Тау, иногда навещая Илью Николаевича в Рязани, иногда Илья Николаевич навещал Татьяну Дмитриевну в Темир-Тау.

В 1973 году Виктор Попков, видя бедственное положение друга и не представляя способов получения жилья в Рязани, посоветовал Илье переехать в другое место, в какой-нибудь подмосковный городок, или ещё куда-нибудь, например, в Оренбург, или в Вологду... В конце концов выбрали город Кишинёв — столицу Молдавской ССР, т. к. у Попкова там имелись хорошие друзья-художники, а у Хегая в Кишинёве проживала сестра Нюра, уехавшая туда из Караганды в 1972 году, т. е. на первое время было у кого остановиться. Виктор Попков написал рекомендательные письма молдавскому художнику Михаилу Греку и члену правления Союза художников Молдавской ССР Вячеславу Обуху[6], и Илья Хегай, долго не раздумывая, заручившись согласием Татьяны Дмитриевны, которой было всё равно, лишь бы — поскорей, двинул с чемоданчиком и с рекомендательными письмами Попкова в столицу Молдавии, в город Кишинёв.

Михаил Греку сразу покорил Хегая теплотой приёма, простотой, причудливостью биографии и происхождения, богатством разносторонних знаний, своеобразием живописи[7]... Илья почувствовал себя перед ним учеником, но уверенным в своих силах и готовым в будущем «посостязаться»...

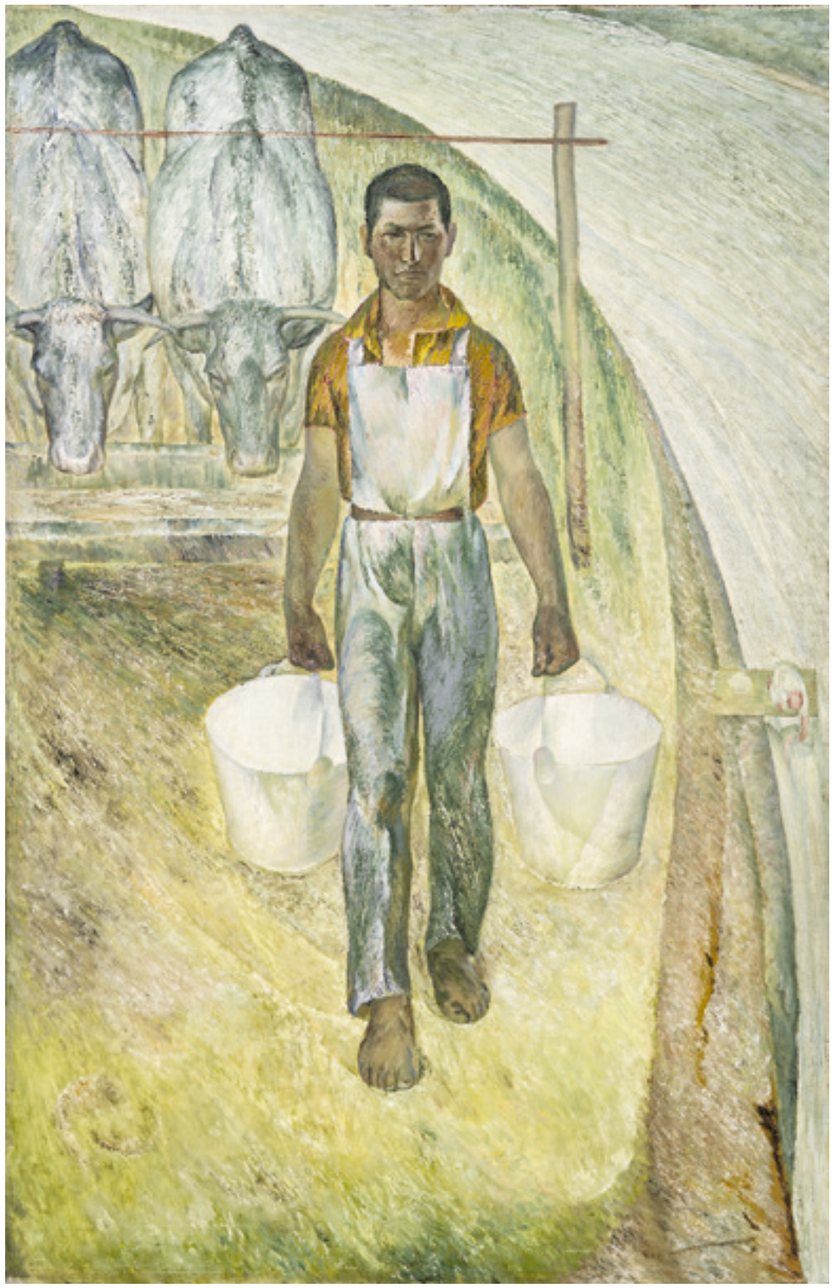
Обух и Греку помогли Хегаю устроиться преподавателем рисования в среднюю школу, чтобы он мог «оперативно» получить участок под застройку в пригороде Кишинёва и имел льготы для «выписки» стройматериалов. Сперва гостя у сестры, затем снимая частную квартиру, Илья быстро построил на выделенном участке времянку и, поселясь в ней, приступил в 1973 году, желая обосноваться в благодатной Молдавии «навсегда», к строительству второго собственного дома (по собственному проекту, покупая ворованные стройматериалы у цыган).

Воображение создало в мыслях и на бумаге, а желание, опыт и руки, умевшие всё, воплотили замысел через пять с половиной лет в «капитальный» двухэтажный особняк, или, как теперь говорят, — «строение в двух уровнях» общей жилой площадью 160 кв. м, со светлой просторной мастерской площадью 50 кв. м на втором этаже, с холлом и камином, с подвалом, со множеством подсобных помещений внутри двора, обнесённого забором из металлической сетки, с водопроводом и канализацией, с водяным автономным отоплением, с внутренностью, устроенной так, как

ВЕСТЬ

Холст, масло.
ГБУК «Рязанский государственный областной художественный музей им. И. П. Пожалостина»

ДОЯР

1972. Холст, масло.
ГБУК «Рязанский государственный областной художественный музей им. И. П. Пожалостина»

подсказывал вкус и позволяли средства. На приусадебном участке — огород и плодово-ягодный сад, небольшой виноградник...

Конечно же, строительство сказалось на занятиях живописью. Илья Николаевич работал не так интенсивно, как хотелось бы, как раньше. Принял участие лишь в одной республиканской выставке художников Молдавии в Кишинёве в 1974 году. Но много давало ему сближение и общение с Михаилом Григорьевичем Греку, человеком старшим по возрасту, оригинальных философских воззрений, знающим многие европейские языки, великолепным мастером цвета и формы.

«Рисуешь ты, Илюша, здорово!» — говорил он Илье Николаевичу Хегаю: «Пора бы уже и разучиваться...»

Под влиянием Греку некоторая «графичность» прежних живописных работ Хегая уступила место «чистой колористичности», где он «нашёл себя», нашёл способ «неявного выражения» тончайших проявлений человеческой души, способ преобразить натуру-дуру через «чувство», через «магический кристалл» разума в картину на холсте, изображающую то неуловимое и обязательное, что избирается из бесчисленного количества возможностей безошибочной интуицией художника, — «веленье Музы».

Дом собрал семью под одну крышу. Семь лет мыкался Илья по городам и весям один и теперь блаженствовал в роли мужа, отца, главы семейства, «папачиуса», вкушая корейскую лапшу-куси, приготовленную любящими руками любимой жены Таньчи, ворча на детишек Диму и Наташу, вечно куда-нибудь «зафинтилящих» нужную сию минуту вещь; капитанствуя, командуя, руководя в доме, выстроенном своими руками...

В 1976 году наконец-то дала согласие на развод Раиса Александровна Цай, и наконец-то официально был зарегистрирован брак Ильи Николаевича и Татьяны Дмитриевны, семья собралась не только под единой крышей дома, но и под единой фамилией — Хегай. Сын Дима (Дмитрий Ильич Хегай) пошёл учиться в первый класс средней школы.

Весной 1979 года Илья Хегай получил телеграмму от Николая Жирнова, члена Союза художников СССР, который в 50-е годы вместе с ним учился в изостудии Эйферта в Караганде, с приглашением приехать в город Старый Оскол Белгородской области, где бывший однокашник теперь проживал. Заинтригованный Илья Хегай приехал в гости и узнал, что здесь, в Центрально-Чернозёмной зоне РСФСР, между Воронежом, Курском и Белгородом, на самом высоком месте Среднерусской возвышенности, которое не подверглось Великому оледенению, где в заповеднике ЮНЕСКО «Ямская степь» сохранилась доледниковая реликтовая растительность, где берёт начало речка Оскол с притоками Котёл, Убля и Осколец, ведётся разработка одного из богатейших месторождений железной руды Курской магнитной аномалии (КМА) «открытым способом» в карьерах-гигантах и строится Оскольский электрометаллургический комбинат для бездоменной переработки руды, минуя стадию чугуна, сразу в сталь с применением технологии и оборудования фирм ФРГ.

Бывший уездный купеческий городок Старый Оскол, возникший около четырёхсот лет назад на пересечении торговых путей феодальной Руси, разрастался вдруг на глазах в индустриальный город, и местные власти, не желая отстать в культурной жизни от соседних областных центров,

СБОР ЯБЛОК

1970-е.
Фото из архива семьи Хегай

имея в перспективе рост численности жителей города до 650-ти тысяч, решили организовать в Старом Осколе филиал Белгородского художественного фонда, для чего необходимо было «воспитать у себя» или пригласить «готовых» извне, как минимум, шесть членов Союза художников СССР.

Илье Николаевичу Хегаю было вручено официальное письмо-приглашение за подписями председателя горисполкома и секретаря горкома КПСС с гарантией получения квартиры и мастерской в течение трёх месяцев со дня приезда в город покорителей КМА, где всё вроде бы уже имелось, только вот не хватало своего худфонда и живописцев, которые бы увековечили на своих полотнах пафос созидания и образы простых советских тружеников.

Илья Николаевич возвратился из гостевой поездки в Кишинёв, раздираемый противоречивыми чувствами. С одной стороны: только что налаженный быт в кругу семьи в собственном доме, работа в собственной мастерской, обогащающее общение с Михаилом Григорьевичем Греку, благодатная Молдавия; с другой стороны: молодой развивающийся город, возможность получить благоустроенную квартиру «со всеми удобствами» в чернозёмной части России, перспектива создания «своего» худфонда... Для Татьяны Дмитриевны квартира «со всеми удобствами» была немаловажной толикой на чаше весов сомнений, и она согласилась на переезд. Интуиция художника подсказывала Илье Николаевичу необходимость «крутого поворота», может быть последнего, завершающего в поиске «места под солнцем»...

Магнитная аномалия притягивала...

Переехал сперва «как всегда» один. Проживал в комнате двухкомнатной квартиры «с подселением». Временно в качестве мастерской выделили «халупу». Чиновники из горкома и горисполко-

ма сразу «потухли», когда от разглагольствований и обещаний пришлось приступать «к делу». После изнурительных и унизительных «обиваний порогов» (а бросать начатое на половине пути не хотелось, место и люди безотчётно нравились) через девять месяцев получен был всё-таки ордер на трёхкомнатную квартиру, расположенную на седьмом этаже крупнопанельного девятиэтажного дома в микрорайоне «Рудничный». Продали собственный кишинёвский дом и в декабре 1979 года всей семьёй перебрались в государственную квартиру, в город Старый Оскол. Встретили новый, 1980 год на Белгородчине, чокаясь молдавским вином.

Сменились люди, занимавшие властьимущие должности, уехал поближе к столице в Орехово-Зуево Московской области, поменяв квартиру, Николай Жирнов, погасла идея создания филиала Белгородского худфонда в Старом Осколе...

Но разгоралось, несмотря на..., вопреки..., творчество Ильи Николаевича Хегая. Ежегодно с 1979 года участвовал он в городских и областных выставках. Уже не гонялся, как в пору ученичества, за капризной дамой по имени Живопись, а был целиком в её прекрасной власти, и она диктовала ему: «Пиши, не ленись!»

ПИОНЫ

1982. Холст, масло. ГБУК «Белгородский государственный художественный музей»

Время поиска сменилось порой воплощения. Всё накопленное ранее, всё увиденное, услышанное, прочитанное, прочувствованное, выстраданное преобразовывалось теперь в пейзажи, натюрморты, портреты..., выплёскивалось на холсты по-хегаевски то «звонко, тонко и прозрачно», то страстно и мощно, но всегда — кругло, красиво, гармонично. «Картина должна быть красивой», — говорил он, работая кистью, мастихином, шпателем, пальцами, заливая холст лаком и красками по хегаевскому, только ему ведомому, принципу и способу, «химича»... «Не имеешь ничего внутри, — ничего и не получится», — говорил он пришедшим научиться «секретам». «А секрета никакого и нету, смотрите», — работал при них, творя втягивающие взор зрителя «круговые», «замкнутые» композиции.

В июле 1981 года из Караганды пришла горестная весть о трагической гибели от ножа уголовника старшего сына Владимира. Сбылось пророчество гадалки... В предоставленной всё-таки отделом культуры горисполкома благоустроенной мастерской после возвращения из Караганды с похорон сына Володи Илья Николаевич написал картину «Волк» — воющее в окладе, вопиющее в безысходности красно-жёлто-чёрное существо, свою окровавленную душу...

Тяжело переживалась гибель сына...

А в мастерскую шли и шли люди на свет картин, на огонёк гостеприимства, появились ученики, поклонники, друзья...

В 1985 году в Старом Оскол состоялась персональная выставка Ильи Хегая, подводящая итог тридцатилетнему творчеству, на которой было представлено пятьдесят работ разных лет. Эта выставка стала событием в культурной жизни города. Среди прочих картин здесь зрители смогли увидеть портрет поэта Лиры Абдуллиной, которая посвятила И. Н. Хегаю стихи «В мастерской художника», вошедшие в книгу стихотворений «Пока горит пресветлая звезда» (издательство «Современник», Москва, 1986 г.). Так в них говорится о творчестве Хегая: «...две стихии столкнулись — земная и звёздная...»

В 1986 году состоялась персональная выставка Ильи Хегая в городе Белгороде. Появились публикации в газетах «Белгородская правда», «Ленинская смена» г. Белгорода, «Октябрьские зори», «Оскольская магнитка», «Большая руда» г. Старого Оскола. Вышло два каталога персональных выставок в г. Старом Осколе и в г. Белгороде со вступительными статьями искусствоведа В. Черкашина и заслуженного художника РСФСР А. Мамонтова. Подготовлен был «большой номер» с репродукциями картин И. Н. Хегая с сопроводительной статьёй «Круги перетекающие» писателя Рустема Кутуя для журнала «Смена», который до сих пор почему-то с обещаниями, что вот-вот скоро появится в печати, не опубликован[8]. Рустем Кутуй написал и опубликовал в журнале «Идель» (г. Казань) стихи «Художник» и рассказ «Храм», посвящённые И. Н. Хегаю. Картину «Ожидание», посвящённую 40-летию победы СССР в Великой Отечественной войне (прототипом старой женщины, изображённой на холсте, была мать безвременно ушедшего из жизни художника Виктора Попкова) приобрёл Белгородский художественный музей.

Завершая серию великолепных картин, прообразами которых являются церкви г. Старого Оскола, Илья Николаевич в конце зимы 1987 года написал бесподобное, воздушное, белое на белом полотно «Белая церковь» — белый Храм Разума с вратами и древом, с золотыми маковками и крестами, всверливающимися в белую высь...

ОМУТ

1994. Холст, масло.
Собрание семьи Хегай

А жизнь текла своим чередом. Весной собирали в Обуховском лесу папоротник, дикий чеснок и лук по традиции, идущей ещё из Приморья, летом — землянику и всевозможные грибы–«хеганки», осенью убирали урожай с возделываемого на краю города в охранной зоне ЛЭП огорода, делали заготовки на зиму. Татьяна Дмитриевна работала бухгалтером на рудоремонтном заводе, Илья Николаевич «крутился» в поисках заказов для заработка на пропитание семье. Подрастали дети. Сын Дима (Дмитрий Ильич) с 1985 года учился в Белгородском музыкальном училище по классу кларнета, младшая дочь Наташа (Наталья Ильинична) заканчивала восьмой класс средней школы, одновременно занимаясь музыкой по классу фортепиано в городской школе искусств, дочь Нонна (Нонна Ильинична), проживая в Старом Осколе с отцом и «тётей Таней», окончив Губкинское музыкальное училище, работала в горкоме комсомола.

В 1988 году в Караганде умерла мама Ильи Николаевича Дык–Си (Дуся) в возрасте восьмидесяти восьми лет на руках внучки Лоры, старшей дочери Хегая от первого брака, оставшейся теперь после смерти бабушки в Караганде в одиночестве. После похорон матери Илья Николаевич начал подумывать, как бы «перетянуть» дочь Лору (Ларису Ильиничну) в Старый Оскол, и после поступления сына Димы в Воронежский институт искусств на музыкальное духовое отделение по классу кларнета (1989) и дочери Наташи на музыкальное отделение Старооскольского педагогического училища (1988), выдав замуж дочь Нонну и обзаведясь внучкой Катей (1989), т. е. став «дедом Илюзой», получив весной 1990 года давно обещанную горисполкомом четырёхкомнатную квартиру, осуществил задуманное: собрал всех детей под одно крыло. Лариса Ильинична переехала жить в Старый Оскол в августе 1990 года.

В 1989 году в помещении Старооскольского художественного музея состоялась ещё одна персональная выставка Ильи Хегая, на которой были представлены наряду с другими полотна «философского плана»: диптих «Композиция», триптих «Ноосфера», портрет писателя Варлама Шаламова, отражающие раздумья художника о жизни сообщества людей на Земле, о смысле бытия...

Вступительная статья «Древо жизни» к каталогу этой выставки, выпущенному в г. Старом Осколе, была написана искусствоведом В. Черкашиным. Старооскольским художественным музеем были приобретены две картины художника: «Лира» — портрет поэта Лиры Абдуллиной и натюрморт «Сирень».

Творческий путь признанного мастера, художника-живописца Ильи Николаевича Хегая, многие картины которого кроме Алма-Атинской картинной галереи, Рязанского художественного музея, Белгородского художественного музея, находятся в частных коллекциях граждан СССР, США, Финляндии, ФРГ, Болгарии и Тайваня, вошёл в зенит зрелой плодотворности. Художник полон сил, энергии, замыслов, потенция души велика... 20 сентября 1990 года ему «по паспорту» исполняется 60 лет. В мастерской «кипит» работа. Илья Николаевич готовится к юбилейной выставке, которая состоится в Белгороде в сентябре 1990 года.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов догадки автора, пытавшегося набросать краткое жизнеописание художника, о сверхзадаче Ильи Николаевича, как личности, как живописца.

В начале биографии Ильи Николаевича Хегая было упомянуто о конце XVIII-го века, о прапрабабушке его, урождённой Чань, проклявшей род хегаевский «до четвёртого колена»... Прошло 200 лет. Сейчас мы живём в конце XX-го века. Илья Николаевич как раз из четвёртого поколения, единственный выживший продолжатель рода, которому и уготована нелёгкая участь — возможность начать возрождение — снять родовое проклятие. Удастся ли ему эта сверхзадача художника и личности? Думается, что удастся. А нам? Что ждёт каждого из нас на пороге XXI-го века? Какая сверхзадача у каждого из нас? Оглянемся же в сумрак прошлых лет... Задумаемся...

Август 1990. Старый Оскол

Лира Абдуллина

В мастерской художника

1

И живут в этой маленькой странной обители
Кисти, краски, подрамники и растворители,
И летают, раскрыв разноцветные клювики,
Словно серые птицы, свинцовые тюбики.

Я слежу, не дыша, этот танец алхимика,
Этот взгляд, этот взмах, этот взлёт, эта мимика —
То ли бред спиритический, грёзы лунатика,
То ли трезвый и точный расчёт математика.

Две стихии столкнулись — земная и звёздная.
И коснулась виска сила тёмная, грозная.
«Ты бледна», — говоришь. Ты ко мне обращаешься.
...Где ты был? Ты откуда ко мне возвращаешься?

2

Мой друг рисует мой портрет,
В моё лицо глядит, как в воду...
Вода бежит, в ней нету броду,
В ней нет следов прожитых лет,
Там только тень, там только свет.
Лицо типичной азиатки
Хранит извечную загадку
Восточных лиц. Ответа нет.
Ни взглядом горестным, ни вздохом
Не выдал верный друг меня,
От кривотолков заслоня
Бесспорностью стереотипа.

ЦВЕТЫ

1982.
Холст, масло.
Частное собрание,
г. Старый Оскол

3.

Мы одной с тобою масти.
Не любим и не влюблён,
Мерой высшего участья
Ты ко мне приговорён.

Нашей дружбе знаем цену,
Только дело не в цене,
Наши нервы, как антенны,
На одной сплелись волне.

Мы с тобой знавали оба
Жар бушующей крови,
Дружба самой высшей пробы
Драгоценнее любви.

На багровый свет заката
Мы летим плечо к плечу,
Хоть дыханья маловато,
Слышу рядом голос брата:
– Как дела?
– Пока лечу.

Рустем Кутуй

Круги перетекающие

Мир — лишь луч от лика друга, всё иное — тень его!
Н. Гумилёв

Время бесцеремонно вмешивается в наши замыслы, размашисто на свой манер правит благие порывы. И подчас до беловика не доходят руки, а черновики копятся, копятся, эскизные наброски остаются неразобранными, хотя и замысел правит миром. Разгребём ли завалы...

Я хотел приехать к друзьям в Старый Оскол и готов был это сделать, но слишком поспешили события. Параллельные пересеклись неожиданным образом. Тесно стало дням, помчались оравой. Песни на стихи Лиры Абдуллиной я слышал по радио, встречал публикации в газетах, но свидеться не довелось. Как подумать задним умом, всё шло к этой точке. Вышла поэтическая книга «Пока горит пресветлая звезда» (М., «Современник», 1986 г.), были письма, недоумения — почему не член Союза писателей. Были рекомендации В. Астафьева, Л. Васильевой и моя. А Лира задыхалась, об этом не догадывались. И вроде бы самый момент ободриться — приняли!, и хотя ещё и не в последней инстанции, а звезда и покатилась, сорвалась с ненадёжной нити.

Как легко дышали стихи особенного песенного лада, даже и предположить ставшее привычным придыханье невозможно. Астма. «Из лёгких — судорожный хип. А за окном цветенье лип, сирени дымной вороха. Дыханье лёгкого стиха...» Оборвалось. Впрочем, почему бы не поверить в переселение души себе в утешение? Так долги пути к непредвиденному, скитания по перетекающим кругам...

Мужа Лиры, Володю Нешумова, я знал по Казани в теперь уже далёкой молодости. Линия его жизни, ломаясь и совершая петли, привела в Старый Оскол на цементный завод, где он и по сей день инженером. Но поэзия осталась смыслом бытия, звучащей мелодией. Меня ждали. И вот тут-то появился художник Илья Хегай, неслышно заступил на след Лиры, друг в истинном духе этого драгоценного слова, когда «здравствуй» открывает подлинное значение — «живи долго!» Полилась беседа, именно полилась, ничто и щепочкой не замутило её — с камешка на камешек, с бугорка на бугорок. Пока инженер Володя Нешумов принимал московскую комиссию, мы с Хегаем побежали в его мастерскую. Был ноябрь — то застеклит, то заплачется, то в кулак подует. Замок мастерской, показалось, можно открыть дамской шпилькой, а ведь за ним обнаружился клад.

Как высказать первое впечатление... Меня окружали цветы и соборы, берёзы и женщины, овалы и профили. Необычность заключалась в цвете, ракурсе. Я ошеломлённо оглядывался, захваченный

За работой
Фото В. М. Смотрова

присутствием настойчивого взгляда. Это же целая философия — взгляд, протянутый в пространстве. Собственно, он, как и мысль, есть то, что нельзя пощупать. Человек давно ушёл, а взгляд чётко обозначен. Так паутина в лесу невидимо погладит щёку, и долго несёшь это прикосновение... Раскладывать картину на цвета — пустое занятие, всё равно, что изучать крыло, выдёргивая пёрышки. Своеобразный танец ведут деревья на холстах Хегая, то изломанные, выдвинувшиеся из земли кособоко, то большетелые, изъязвлённые, укрывающие людей — хрупкие сосуды тепла. «Замаливаю грехи, — скажет Илья. — Грехи предков через себя». Где он, критерий правильности? Может, нет его?

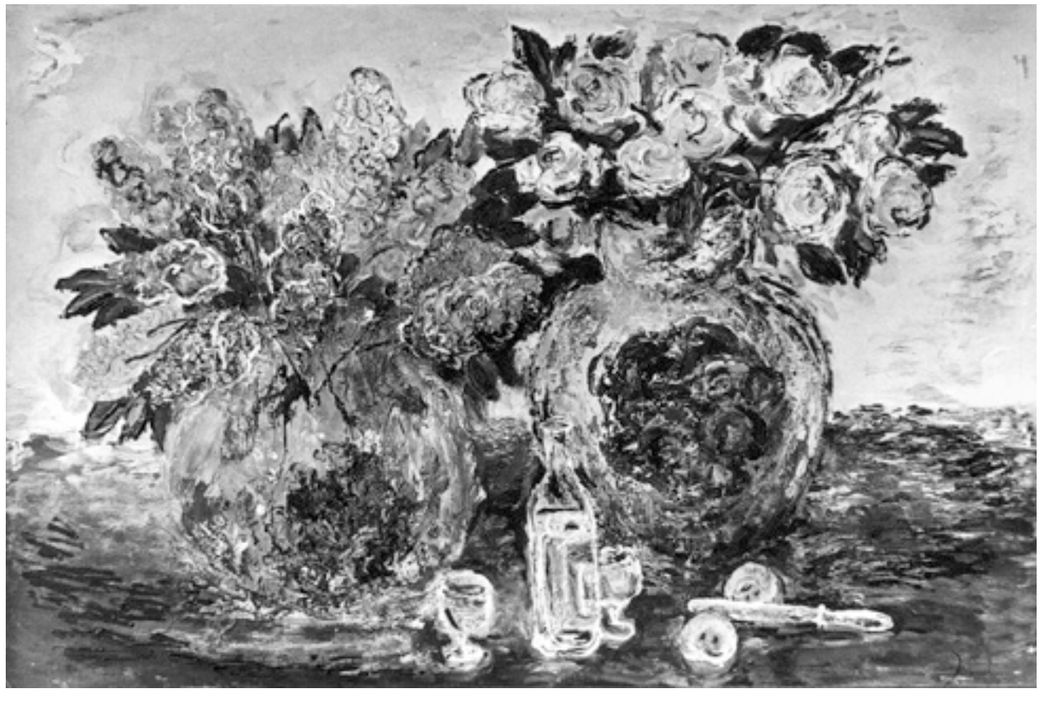
И поразился я замечательному белому храму, какому-то нереальному детищу вне всяких религий. Скорее, храму разума, чистилищу, объятому светом. Ни тени, ни закорючки, ни червоточинки. Вход в никуда. Он, храм, свит из воздушных струй, из неупавшего снега. Помнится, я не верил и задирал художников: «Да ни в жисть вы не нарисуете снег в белой тарелке! Всё равно получится рисовая каша!» Но вот Илья выдохнул «Храм», обойдясь без теней. Выдохнул и стоит рядом со мной отстранённо, и свет идёт на лица с полотна. Восхититься мастерством тут мало. «Как надышался!» — будет вернее.

Мальчик на берегу залива Японского моря разглядывает краба, тыча пальцем. Море проникает в щёлки глаз, оно всегда близко, свирепое и умиротворённое. Одинакового в природе не существует. Жизнь ещё не пометила разборчивым оком отвращение и наслаждение. Детство наблю-

дает грацию и пластику перемещений. Страх и испуг естественны, как дыхание. Красные грозди китайского лимонника, папоротник-орлец, чёртов куст элеутерококка, креветки, кальмары, трепанги, кета — это не экзотика, а такие же обитатели на большой земле, как и он сам. Его пращур–аристократ в феодальной Корее роскошно тратит наследство. Пра-пра-бабка, не выдержав мотовства отпрыска, топит в болоте фамильные драгоценности и проклинает хегаевский род.

С тех пор тянутся упадок и злоключения потомков. Разбрасывает их по свету, как летучие семена — кто в США, кто в Китае, кто в Японии. Отец Ильи красным партизаном в гражданскую войну защищает Приморье. 37-й год разыгрывает свою карту: всех корейцев за одни сутки в телячьих вагонах переселяют в Казахстан. Переселенец — тот же безродный, вот и первая горькая метка. Жили в землянке: «Высунешь нос из норы — мороз под пятьдесят. Вокруг Караганды — лагеря: сами от зэков не отличались ни хламидой, ни тоской волчьей, рыскали по помойкам».

Позже Илья Хегай почитает о тех местах и о том времени первые правдивые книги и заплачет: так всё знакомо... Здесь-то и завязалась душа художника Хегая... Владимир Александрович Эйферт руководил школой — изостудией живописи, как ссыльный, рядом с Долинкой, лагерем политза-

НАТЮРМОРТ

Конец 1980-х. Фото из архива семьи Хегай

ПТИЦА СИРИН

Конец 1980-х. Холст, масло.
Фото из архива семьи Хегай

ЦВЕТЫ

1998. Холст, масло.
Частное собрание, г. Старый Оскол

ключённых. Он и стал учителем Хегая вплоть до 1956 года. Эйферт — силовое поле, определившее дальнейшую судьбу художника. «Он — давал, я — вбирал всеми жабрами-фибрами, каждым лоскутом кожи. Повезло. Хоть здесь повезло, набрался культуры... насытился как никогда».

В 73 году Хегая позовёт в Кишинёв Михаил Греку, опять влетает ласточка надежды обустроить гнездо навсегда. И дом построил сам для большой уже семьи — с мастерской, камином, и друзьями стали Виктор Попков, Михаил Греку, казалось, отшельничество, хождение по кругам закончилось. Не удержался, не закрепился на молдавской земле Хегай, и собственный дом не удержал. При первом благодатном порыве сорвало его и понесло в Старый Оскол, к перспективной индустрии, к отвалам руды. Чего ищет сердце в многолюдном мире? «В дороге для толпы всегда найдётся и тропа для одиноких» — так кто-то защитил право на одиночество. Для расчётливых есть весы с гирями разных достоинств, для простодушных — бездна перемен...

Возраст — понятие относительное. Если человек несёт огонь на веках, разве ему наскучило жить? Качество жизни проступает сукровицей, чтобы заживить рану. Илья Хегай сух, как гимнаст, и непривередлив. Годы не побили его ржавчиной, не обморщинили. Корейская кухня дисциплинирует. Он ровен в настроении, незлоблив. Ни одного броского жеста. В разговоре руки отдыхают, подрёмывают, скучают. Такие лица для вдумчивой камеры. Хегай не из тех, кто шумит, демонстрирует, но из тех, кто уходит. И никаких гримас, восклицаний, всё такая же блуждающая улыбка, а за ней — застывшая ирония.

Взгляд Хегая не перебегает с предмета на предмет, его взгляд — продлевающий впечатление, он обтекает, вовлекает, любуется. Так он любовался в магазине «Берёзка» при гостинице «Россия» — чего там только не было. А у меня в кулаке чеки за какие-то заграничные публикации, целеньких семьдесят три рубля. Разглядываем Врубеля, нюхаем французскую пудру через стекло, очаровываемся: купим! Илья Хегай ходит, как осторожный зверь. «Глазунов-то с Шиловым при чём здесь? Каким боком? А, Русь, дефицит... Туземцы мы с тобой!» А я ещё не верю, что не про нас это: берём Врубеля! И японское пиво в банках берём, и пудру жёнам, и ещё кой-что! Илья наблюдал за мной, как я выстаивал очередь, как спровадили меня не солоно хлебавши — магазин-то для долларов и франков, а наши чеки вроде как срамные бумажки. Темнота. Зато полюбовались задумчиво, отразились в стерильном стекле.

Володя Нешумов вспоминает: «Мир тесен... не то, не так. Мир набегает какими-то перетекающими кругами, — туда-сюда, из прошлого в настоящее, из будущего в прошлое. Сплошная фантастика. Ещё в Казани, где-то в шестидесятых, приходит ко мне в общежитие художник Лёша Аникеёнок[9]: «Пойдём, выставка из Алма-Аты приехала. Там есть одна картина*** Надо же! Помню ощущение окольцованности гривой шеи буланного коня, мягкое объятие линии. Можно представить, какие овалы есть у этого художника, сказал Аникеёнок. Они и были, но мы-то их не видели: «Мать с младенцем» — обнажённые, жёлтые, лежащие на белом, округлом. Вокруг розово-сиреневое, как желток в белке яйца. Эмбрион вселенной. Замкнутый лад. Ещё — семья, тоже перетекающий круг, умножающийся. Это я потом увижу. Но ведь как запало то давнее, вычертилось чашей, из прошлого пролилось дальше, дальше. В Приморье я был на парусных гонках, и в Рязани по соседству, прямо по следу Хегая шёл. В Старом Осколе вдруг звонит Лира: «Прибегай скорей, здесь худо-ожник!» Я, конечно, всё бросил, бегу. Вот они, перетекающие круги. В каждой точке пульсируют, где касаются друг дружки... Мог ли я думать сто лет назад в Казани, что нынче мы с Ильёй Хегаем будем собирать папоротник, травку, грибы, жарить шашлык. Что потом похороним Лиру, а Федот Сучков затеет сделать памятник... Познакомились мы с Ильёй в год и месяц, когда Лёша Аникеёнок из Пскова прислал последний привет. Все мы в этих кругах-токах, как завещание друг другу...»

Хегай сейчас пишет воронкообразный натюрморт с разрезанными нутром наружу арбузом и дынею в центре. Пишет живое волокно, волоконца, нерукотворное. И кружатся вокруг золотистые рыбки и яблоки.

Я бы желал звучного признания деяниям Ильи Хегая, праздника для его картин, потому что тоже попал в сечение перетекающих кругов — и сам вспыхнул. Думаю, и полная книга Лиры Абдуллиной выйдет к людям. Нет жизни упрощённой. Люди сами приводят себя к схеме и догме, к нищете духа, чтобы ужаснуться безвременью, лишившись корней. А древо ветвится и плодоносит.

Надежда Кравченко

Художник Хегай

Первый раз я увидела его картины в 1984 году. На выставке в городском Доме культуры экспонировались работы многих художников. На следующий день пошла туда вместе с Лирой Абдуллиной, было интересно узнать её мнение. Не сговариваясь, мы отметили для себя картины Ильи Хегая «Хлеб», «Взрыв» и «Свидетель». Почему именно хегаевские картины привлекли наше внимание, почему запали в душу? Одна из причин лежала на поверхности. Выставку приурочили к пуску какого-то цеха ОЭМК, и было много портретов передовиков-металлургов, почему-то очень похожих друг на друга. Были всевозможные, будто сфотографированные, виды Лебединского и Стойленского карьеров. Никакой работы ни уму, ни фантазии зрителя здесь не предвиделось.

А вот хегаевский «Взрыв» останавливал многих: сквозь чёрно-фиолетовые мазки пробивался столб — мощный, зловещий, вот-вот он всё сметёт на пути. Но всмотревшись повнимательней, поймёшь, что победит не это чудовище, а старое дерево с молодыми зелёными побегами, глубоко в землю пустившее свои корни. Чёрные силы и вечная жизнь — так воспринималась эта картина-символ.

Но из трёх картин больше понравился «Свидетель». Могучее когда-то дерево, с обугленной верхушкой, стоит посреди поляны, залитой лунным светом. Тишина, время неторопливых раздумий. И ты задумываешься: чему был свидетелем этот могучий дуб, что повидал на своём веку, какие беды его опалили?

Вскоре после выставки мы познакомились с Ильёй Николаевичем Хегаем. И подружились. Что это были за времена! Была жива Лира...

Нашей дружбе мы знали цену,
Только дело не в цене,
Наши нервы, как антенны,
На одной сплелись волне.

Это напишет Лира об Илье Хегае, посвятив ему три стихотворения. Лира любила приходить в мастерскую к Хегаю, наблюдать за его работой.

Я слежу, не дыша, этот танец алхимика,
Этот взлёт, этот взгляд, этот жест, эта мимика.
То ли бред спиритический, грёзы лунатика,
То ли трезвый и точный расчёт математика.

Я не могла не процитировать Лирины стихи, она-то очень хорошо понимала Хегая. Он платил ей тем же. Поэтому, наверное, портрет Лиры, написанный Ильёй ещё при жизни поэтессы, — одно из самых лучших, искренних его полотен.

Я тоже часто бывала в мастерской Хегая, смотрела, как он работает. Мне нравилось следить за его мыслью. Вроде бы картина завершена, нанесён последний мазок, но Хегая что-то гложет, что-то ему не нравится. И правда, назавтра прихожу и вижу: он почти полностью изменил первоначальный замысел, повеселел, хотя утроил себе работу.

Все картины он условно делит на две части — «для души» и «заказные». Но душу вкладывает во все свои работы. Как часто бывало: готова картина, выстрадана. И надо отдавать её, расставаться, и уже не от тебя зависит её дальнейшая судьба. С наиболее удачных своих «заказных» картин он пытается делать копии, но, как правило, это ему не удаётся, так как из-под кисти выходит совершенно другое оригинальное полотно.

Когда что-то не получается, когда он не доволен работой, собой, к нему лучше не подходи. А вот если картина «прояснилась», тогда он «летает» по мастерской, и взгляд его весел, тогда с ним можно и поговорить.

Люблю слушать его воспоминания. Ему просто необходимо записать все эти истории из жизни, они так интересны, смешны, трагичны. Без его согласия не буду пересказывать всё. Но чаще всего прошу рассказать его о Викторе Попкове. Это друг Ильи, трагически погибший художник.

У портрета жены

Фото В.М. Смотрова

Теперь он известен у нас в стране, а в те времена, когда началась их дружба, Виктора Попкова знали разве что в Москве братья-художники. Трудно жилось и работалось Попкову. И только после смерти картины талантливого художника пробились в Третьяковку и другие музеи страны.

Смотрю на фотографию, где друзья, — молодые, весёлые, обнявшись — глядят в объектив. Сколько уверенности, радости: «Мы талантливы, молоды, у нас есть, что сказать вам, люди!» Ещё не ведают о той дороге, которую должны пройти, трудной, трагичной.

Хегаю приходится биться до сих пор. И это очень обидно. Поэтому он чаще всего машет рукой: «А! Некогда, надо работать, хочу много успеть». Вот, например, чтобы подготовить персональную выставку, нужны деньги на рамы, на оформление. В Белгородском художественном фонде предусмотрена на такой случай материальная помощь. На просьбу Хегая развели руками: нет денег. На персональную выставку — событие, значительное не только в жизни художника, но и в жизни города, никто из Белгорода — ни от худфонда, ни от Союза художников — не приехал, хотя были заранее предупреждены.

Большинство людей, далёких от искусства, считают, что у художников денег куры не клюют. У тех, кто обладает пробивной силой, кто удобно устроился у «кормушки», раздающей заказы на картины, — у тех, может, и не клюют. А тот, кто живёт не искусством, а в искусстве, тот часто сидит без гроша.

У Хегая грош в кармане и кусок хлеба всегда есть благодаря жене — Татьяне. Об этой женщине нужно писать отдельно. Маленькая, хрупкая, милая, терпеливая, внешне всегда спокойная. Никогда ни перед кем не покажет ни своего раздражения, ни обиды. Хранительница домашнего очага. Сын Дима обращается к маме на Вы. Наверное, интуитивно, ещё в детстве, почувствовал величие этой маленькой женщины. Если судить по тому, как часто Хегай пишет Таню, он тоже это чувствует.

... Я год не была в мастерской у Хегая, не видела ни одной картины, написанной за это время: понятно почему на открытие персональной выставки шла с таким интересом. Знаю о работоспособности Хегая не понаслышке: в дождь, мороз, любую непогоду он обязательно идёт в мастерскую и работает допоздна. И всё же я не ожидала, что за год можно сделать так много. Совершенно по-новому я увидела и уже знакомые полотна. Но потрясла меня одна картина — портрет Варлама Шаламова.

Расскажу предысторию этой картины. Ещё в 1987 году, когда в «Новом мире» появились «Колымские тетради» В. Шаламова, Хегая они буквально потрясли. Он не расставался с журналом долгое время. Собирал все публикации Шаламова.

А когда был в Москве, пошёл к скульптору, тоже долгие годы проведшему в лагерях, хорошо знавшему Шаламова — Ф. Сучкову. Тот познакомил Илью ещё с одним другом писателя. Из рассказов, фотографий и родился портрет. Мудрые, усталые, неземные глаза поэта смотрят на нас. Над его головой — ореолом — колючая проволока, а за ней — могильные кресты. Они уже ничего не скажут. А он, Шаламов, говорит нам: будьте осторожны, не допустите повторенья страшных лет.

Персональная выставка Хегая — вторая в нашем городе. Первая была в 1985 году. Тогда я писала в «Октябрьских зорях», что многие старооскольцы открыли для себя талантливого художника.

ЛИК ЭПОХИ

1990. Холст, масло.
Коллекция «Промрадтехбанка».
Фото из архива семьи Хегай

Прошло четыре года, что изменилось в жизни города и художника? Приятно, что на открытие выставки пришли первые руководители города, которые уже хорошо знакомы с творчеством художника и отметили его заслуги принародно. В Старом Осколе появился художественный музей, где и экспонируется выставка, музей уже приобрёл несколько картин Хегая.

Город заслуженно гордится своим художником. Знакомит с ним и его творчеством иностранных гостей.

Но вот заверения, звучавшие четыре года назад, о том, что будут строиться мансарды для художников города, остались благими намерениями. Это я к тому, что в мастерскую Хегая гостей не приведёшь. Это совершенно не приспособленное для работы художника помещение: очень холодное, тёмное и маленькое. Хотя такая мастерская, в своём роде, тоже штрих на лице города.

Через год у Ильи Николаевича юбилей — 60 лет. Надеемся, что он порадует нас новыми замечательными полотнами. Ну, а город, думаю, по достоинству их оценит.

Бродер-Генрих Христиансен

Посещение мастерской

Прошёл уже почти год с тех пор, как 1 июня 1990 года самолёт компании «Аэрофлот» с делегацией администрации города Зальцгиттер на борту приземлился в московском аэропорту «Шереметьево-2». В составе той делегации был и я. Во время посещения Старого Оскола, советского города-побратима Зальцгиттера, моей задачей являлась подготовка запланированной на 1991 год выставки советского художника Ильи Хегая. На тот момент Илья Хегай, член Союза художников СССР, был для меня абсолютно неизвестен.

Из предыдущих посещений Советского Союза я особенно запомнил работы художников конца XIX века, входивших в объединение «Передвижников», критически изображавших повседневность царской империи. Художники странствовали по городам и весям и отражали уличные и деревенские сцены. В живописи ими были открыты новые сюжеты: «...маленькие люди, нищие и студенты, тёмные леса, топкие, переливающиеся красками болота, уют избушек и одиночество степей. Из деревень вырывается смех, слышится шёпот исповеди. Благочестие и бунт идут рука об руку, и над всем этим — терпение народа ...»[1].

Я помнил и многочисленные картины, запечатлевшие культовую личность — Ленина — в разговоре с крестьянами, на партийных собраниях, во время Октябрьской революции, а также официальное советское искусство, прославлявшее «простых тружеников». Было ли это то, что ожидало меня в Старом Осколе? Во время 13-часовой поездки из Москвы в Старый Оскол всплывали и другие картины. Я вспоминал о пропагандистских агитпоездах, которые назывались «Ленин», «Октябрьская революция», «Красный казак» — броская плакатная живопись в сочетании с революционными лозунгами должна была вдохновлять на революцию простой народ за пределами больших городов[2]. Пропагандистское искусство, прославлявшее успехи Советского Союза, было наглядно представлено и пассажирам поезда, идущего в Старый Оскол, — шторками на окнах купе.

В течение первых дней пребывания в Старом Осколе у меня не было возможности приблизиться к моему «великому незнакомцу». Нам демонстрировали продукцию художественных промыслов, ориентированную, прежде всего, на традиции XIX века: кружки и лакированные шкатулки из дерева, расписанные вручную самовары, кукол и украшения, которые очень впечатляли высо-

[1] Гальвиц, Эстер и Клаус. Картины России. — Кёльн, 1990. — С. 267.
[2] См.: Толстой, Владимир. Живопись и художественное ремесло в Советском Союзе. — Мюнхен, 1990. — С. 13–27.

ким уровнем мастерства. Отдельный день (5 июня) был полностью посвящён изобразительному искусству. В художественном музее нам показали подборку советской живописи: одинокий домик в степи, рыбаки на мостках, вертолёт и гужевая повозка — все эти картины, изображающие повседневную жизнь, являлись продолжением традиций художников конца XIX века, получивших своё развитие в социалистической живописи XX столетия. Посещение художественной школы, в которой проводилось награждение победителей конкурса «Дети рисуют мир», познакомило меня с картиной одного художника из Старого Оскола, которая напомнила мне работы Вольфганга Маттойера.

ЯБЛОНИ В ЦВЕТУ

1985. Холст, масло.
ГБУК «Белгородский государственный художественный музей»

И вот, наконец, с типичным азиатским радушием в своей мастерской нас встретил Илья Хегай. Его попросили представить несколько работ для выставки в Зальцгиттере. Должен признать, что при первом же взгляде на эти картины я был несколько обескуражен. Где, например, в картине «Капля мёда» было то, что незадолго до этого момента мы узнали как типичные художественные элементы советской живописи?

За очень короткое время мы посмотрели около 20 живописных полотен, среди которых были пейзажи, портреты, и в том числе — два индустриальных пейзажа, изображавших «промышленный» Старый Оскол. Одна из этих работ меня особенно поразила — выдержанное в красно-чёрных красках изображение промышленного карьера. Рассмотреть сразу эту картину невозможно: взгляд зрителя должен задержаться на ней до тех пор, пока во «взрыве» красок и форм вдруг обнаружится маленький экскаватор и два других «миниатюрных» грузовика. Глядя на этот пейзаж, кажется, что стена из камня и руды представляет страшную угрозу для человека, который отважился «изранить» земную поверхность. В то же самое время, другие сюжеты художника — дети, запускающие воздушного змея, прислонённые к дереву грабли — олицетворяют гармоничную связь человека с нетронутой или только лишь слегка преображённой природой.

Живопись Ильи Хегая может быть неудобна для зрителя. Человек должен очень долго вглядываться в картину, прежде чем он сможет её разглядеть. Но не говорит ли это в пользу картин? Не приподнимает ли это их над большинством тех работ, содержание которых лежит на поверхности и смысл которых тотчас же распознаётся? К посетителям выставки это предъявляет высокие требования. Нужно быть готовым вступить в немой диалог с символикой картин. Это не будет выставка, на которой человеку, уставшему от забот, достаточно будет бросить короткий взгляд, чтобы всё осмотреть и понять. Символика некоторых холстов способна приковывать посетителя настолько, что он будет вынужден оторваться от повседневности.

Посещение мастерской проходило слишком быстро для того, чтобы можно было спокойно ознакомиться со всеми работами художника. У стен стояло много картин. Какие ещё сокровища скрывались там? Мы вынуждены были проститься с художником, который так радушно встретил нас и показал нам свои полотна.

С тех пор прошло почти 12 месяцев. Картины доставлены на выставку в Зальцгиттер. С ними прибыли и некоторые материалы биографического характера об Илье Хегае. Мне представляется особенно важной одна выраженная в них мысль: В. Нешумов делится воспоминаниями о том, как ещё в 1962 году один знакомый художник попросил его посетить выставку, чтобы посмотреть одну-единственную картину, которая и являлась настоящим искусством. Это может быть свидетельством того, что Илья Хегай очень рано начал творить вне связи с официальным социалистическим художественным стилем. Вне зависимости от политических веяний Илья Хегай создал картины, в которых чётко проявлена его любовь к природе и человеку.

Выставка работ художника в Зальцгиттере определённо принесёт много радости.

Комментарии

Владимир Нешумов
«Биография художника-живописца Ильи Николаевича Хегая (по август 1990 года)»

Впервые опубл. в сокращении в газете «Педагог. Вожатый. Родитель» (№№ 11–12 за 2018 год, №№ 1–8 за 2019 год). Текст печатается по авторизованной рукописи с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Владимир Вячеславович Нешумов (1940–2008) — один из создателей спутника «Молния», обеспечившего первый в мире сеанс радиосвязи из космоса. Член Союза писателей СССР с 1991 года, поэт, автор ряда поэтических книг. С 1982 года жил и работал в Старом Осколе.

Нешумова и Хегая связывала долгая дружба. Творческий диалог двух талантливых людей отразился в их стихотворном и живописном наследии: Нешумов откликался на произведения Хегая строчками стихотворений, а Илья Николаевич оставил целую галерею портретов как самого Нешумова, так и близких ему людей (первой жены поэта — Лиры Абдуллиной и их дочери Ольги). Обладающий бесценным даром дружбы, собранный, целеустремлённый, Нешумов оказывал недюжинную поддержку своему другу-живописцу. Он взял на себя огромную организационную работу по подготовке первой крупной зарубежной выставки Ильи Хегая, с успехом прошедшей в Германии в 1991 году: лично занимался оформлением документов, перепиской с государственными учреждениями, информационной поддержкой. Для каталога выставки Нешумов написал аналитическую

В. Нешумов
в мастерской
И. Хегая

1990-е.
Фото из архива
В. Нешумова

статью о творчестве художника. В пакет сопроводительных документов входила и «Биография Ильи Хегая (по август 1990 года)», с незначительными сокращениями она была опубликована на немецком языке в каталоге выставки.

В 2008 году Старооскольским художественным музеем была опубликована «Хроника жизни художника И. Н. Хегая». Это издание стало последним, подготовленным Вл. Нешумовым при жизни. Текст, публикуемый в книге «Хегай в кругу друзей», представляет собою первую редакцию жизнеописания Хегая, в основу которой положены многочисленные беседы поэта и живописца. Тот факт, что перед нами — два разных текста подтверждает, прежде всего, разница в их заглавии: издание 2008 года называется «Хроника...», в то время как рукопись 1990 года озаглавлена иначе — «Биография...» Это жанровое обозначение подчёркивает большую объективность раннего повествования. Сравнительный анализ показывает, что редакция 2008 была подвергнута существенной стилистической переработке: первоначальная версия написана более сдержанно, в ней отсутствуют многие (не всегда оправданные) субъективные оценки. Обнаруживается и разница в наборе описываемых событий. В частности, ранняя версия открывается подробной исторической справкой, в которой освещаются причины переселения корейцев на территорию российского Дальнего Востока.

[1] *Владимир (Вольдемар) Александрович Эйферт* (1884—1960) — талантливый живописец, искусствовед. Окончив Государственные художественные мастерские в Астрахани, до 1923 г. работал в картинной галерее им. Б. М. Кустодиева. С 1929 г. — учёный секретарь и член правления Третьяковской галереи, эксперт по антиквариату в торгпредствах Германии, Швеции, Австрии, Франции (1931—1935). С 1936 г. по 1939 г. — директор ГМИИ им. А. С. Пушкина, с 1939 г. — председатель комитета закупочной комиссии по делам искусства Наркомпроса и эксперт-искусствовед Государственной Третьяковской галереи.

В сентябре 1941 г. Эйферт, как и многие другие этнические немцы, был выслан из Москвы в глухую казахскую деревню. Лишь два года спустя, в 1943 г., благодаря вмешательству И. Э. Грабаря, Эйферту было разрешено перебраться в Караганду, где он организовал изостудию при клубе шахты им. Кирова. Всего за годы работы через изостудию Эйферта прошли около трёхсот человек, среди них художники Г. Гилевский, Н. Жирнов, Ю. Евсеев и др. Прожив в Караганде на поселении как спецпереселенец, В. А. Эйферт так и не вернулся в Москву. В 1957 году он передал руководство изостудией И. Н. Хегаю, а в 1960 г. скончался на руках своего ученика.

В. А. ЭЙФЕРТ. ЗИМНЯЯ КАРАГАНДА

1949. Холст, масло. КГКП «Карагандинский областной музей изобразительного искусства»

В. А. ЭЙФЕРТ. АВТОПОРТРЕТ

1955. Холст, масло. КГКП «Карагандинский областной музей изобразительного искусства»

[2] В настоящее время 14 работ художника хранятся в Карагандинском областном музее изобразительного искусства, из них шесть работ были переданы в дар учеником Эйферта художником Юрием Семёновичем Евсеевым.

[3] К сожалению, В. В. Нешумов допускает неточность: в 1968 году Хегай был принят кандидатом в члены Союза художников СССР, а членский билет был выдан 12 февраля 1969 года.

[4] *Виктор Ефимович Попков* (1932 — 1974) — советский художник-шестидесятник, живописец, график, один из лидеров «сурового стиля» — наиболее значимого направления в отечественном изобразительном искусстве эпохи оттепели. Виктора Попкова называют одной из ключевых фигур отечественного послевоенного искусства. В своих работах он обратился к судьбам простых людей, вынесших на своих плечах бремя страшной войны, разрабатывал тему связи поколений. Творчество Попкова оказало огромное влияние на развитие советского изобразительного искусства 1970-х годов.

Художник погиб в результате несчастного случая: на улице Москвы он бросился к инкассаторской машине и попросил водителя подвезти его, но был убит выстрелом в упор. Инкассаторы приняли его за грабителя. В 1975 году, посмертно, за цикл картин «Размышления о жизни» («Строители Братска», «Полдень», «Бригада отдыхает», «Семья Болотовых», «Шинель отца») художник был удостоен Государственной премии СССР. Произведения Виктора Попкова хранятся в крупнейших музейных собраниях: Государственной Третьяковской галерее и Государственном Русском музее.

[5] Судя по записи в трудовой книжке, И. Н. Хегай жил и работал в Рязани с 1971 по 1973 год (художник-живописец творческой группы в художественно-производственных мастерских Рязанского отделения художественного фонда РСФСР).

[6] В архиве семьи Хегай сохранилось письмо Виктора Попкова Владиславу Обуху, в котором он, в частности, пишет: *«Владислав! Прошу тебя внимательно отнестись к моему другу — художнику Илье Хегаю — и что от тебя зависит (а всё в данном случае зависит от тебя) сделай для меня и него. Это тот из художников, который сейчас нуждается в нашем внимании...».*

[7] *Михаил Григорьевич Греку* (1916 — 1998) — молдавский советский живописец, талантливый колорист, экспериментатор. Лауреат Государственной премии СССР в области изобразительного искусства (1990).

В 1960–1970-е годы главной особенностью творчества Греку был укрупненный масштаб раздумий о мире (обращение к философской тематике, поискам основ национального характера). Невзирая на официальное признание и высокие награды (за особые заслуги в искусстве художник был дважды награждён Золотой медалью ВДНХ СССР (1966, 1970), а в 1978 г. был удостоен Государственной премией МССР), со стороны партийных функционеров Михаил Греку постоянно подвергался критике: с самых высоких трибун звучали обвинения в формализме, восприимчивости к «буржуазным» веяниям, картины Греку снимались с республиканских выставок и т. д. С другой стороны, творческие находки Греку с интересом воспринимались молодыми художниками, многие из которых с гордостью называли себя учениками молдавского мастера.

Хегай познакомился с Греку в сорокапятилетнем возрасте, будучи уже состоявшимся художником. Пора ученичества осталась далеко в прошлом, и тем не менее, творческие находки Михаила Греку оказали существенное влияние на формирование стилевой манеры Ильи Хегая.

[8] О судьбе этой публикации см. примечания к статье Р. Кутуя «Круги перетекающие».

Лира Абдуллина «В мастерской художника»

Печ. по: Абдуллина Л. Пока горит пресветлая звезда: Стихотворения. — М.: Современник, 1986.

Лира Султановна Абдуллина (1936 — 1987) — журналист, поэт, выпускница Литературного института им. А. М. Горького. С 1964 по 1967 — редактор телевидения Норильска. В 1967 году выходит замуж за Владимира Нешумова и уезжает с ним в Красноярск-26. С 1982 по 1987 год живёт и работает в Старом Осколе. В 1986 году по рекомендации Виктора Астафьева, татарского поэта Рустема Кутуя и московской поэтессы Ларисы Васильевой подаёт заявление о вступлении в Союз писателей СССР, однако преждевременный уход из жизни поэтессы не даёт этим планам осуществиться. О знакомстве Лиры Абдуллиной с Ильёй Хегаем см. очерк Н. Кравченко «Художник Хегай».

Рустем Кутуй «Круги перетекающие»

Печ. с незначительными сокращениями по: Кутуй Р. Круги перетекающие // Зори. — 1992. — № 12–13 (25 янв.). — С. 4.

Кутуй Рустем Адельшевич (1936 — 2010) — писатель и переводчик, член Союза писателей Республики Татарстан, заслуженный работник культуры ТАССР. Друг юности Владимира Нешумова, с которым они участвовали в работе казанского молодёжного литобъединения «Парус». Познакомился с Ильёй Хегаем во время приезда к Нешумову в Старый Оскол в ноябре 1987 года.

Поэта и художника связала крепкая дружба на долгие годы. Друзья встречались при каждой возможности в Старом Осколе, Белгороде, Москве. Кутуй приложил немало усилий для популяризации творчества Хегая. Он посвятил ему несколько произведений: в 1988 году — стихотворение «Художник» (опубликовано в газете «Вечерняя Казань»); в 1989-м — рассказ «Храм», в этом же году рассказ звучал в авторском исполнении на Казанском радио; рукопись была отослана в газету «Литературная Россия», однако публикация состоялась в декабрьском номере казанского журнала «Идель» в 1989 году. На протяжении трёх лет (с 1988-го по 1990-й год) Кутуй вёл переговоры с журналом «Смена», популярнейшим изданием Советского Союза, о публикации репродукций картин Ильи Хегая и материалов о нём. К сожалению, в силу разных причин, этим планам не дано было осуществиться — уходили люди, менялась атмосфера времени, а с нею и редакционная политика... После очередных переговоров с редакцией журнала Кутуй напишет Нешумову: *«...жить противно, обнаруживая делячество. Отодвигают нас молодые звери, о преемственности не может быть и речи. Кроме ласковости души дать нечего, да и она через внешнюю угрюмость. Поцарапаемся*

Л. Абдуллина, В. Нешумов, И. Хегай

1980-е. Фото из архива семьи В. Нешумова

И. Хегай, Л. Абдуллина, Н. Кравченко

1980-е. Фото В. М. Смотрова

Б.-Г. Христианзен *(в центре)* на открытии выставки в Зальцгиттере

Фото из архива В. Нешумова

ещё немножко и сникнем. Потом определённо спохватятся о ценностях вечных, а мы все будем далеко...» (письмо Нешумову от 12 марта 1990 года). В изменённом виде статья Кутуя о Хегае была опубликована в старооскольской газете «Зори» в 1992 году.

[9] *Алексей Авдеевич Аникеёнок* (1925–1984) – художник-авангардист, джазовый музыкант, друг юности Владимира Нешумова. Жил и работал в Казани и Пскове. Не был признан при жизни, хотя его творчество высоко ценили видные деятели культуры (В. Аксёнов, О. Лунгстрем, Евг. Евтушенко и др.) Большую роль в судьбе художника и его наследия сыграл академик П. Л. Капица, при поддержке которого персональные выставки художника прошли в Москве в Институте физических проблем АН СССР в 1965 году (две картины с этой выставки были приобретены академиком А. Д. Сахаровым), в редакции журнала «Смена», в Курчатовском институте и Новосибирском Академгородке. Крупнейшее в стране собрание картин Аникеёнка из личной коллекции Капицы хранилось в Петербургском институте ядерной физики им. Б. П. Константинова, а в 2015 было передано в дар Псковскому государственному объединённому музею-заповеднику. Работы художника хранятся также в Государственном музее изобразительных искусств Республики Татарстан (Казань), мемориальном музее П. Л. Капицы (г. Москва) и в частных собраниях.

Надежда Кравченко «Художник Хегай»
Печ. по: Кравченко Н. Художник Хегай: Очерк // Октябрьские зори. — 1989. — 1 окт. — С. 3.

Надежда Петровна Кравченко (1955 — 2017) — член Союза журналистов России, с 1982 года — корреспондент, заместитель редактора старооскольской городской газеты «Октябрьские зори», с 1997 по 2014 год — главный редактор газеты «Зори». Талантливый организатор, человек с активной гражданской позицией, Н. П. Кравченко запомнилась как автор ярких публицистических материалов. Неизменное внимание она уделяла творчеству своего друга, Ильи Николаевича Хегая, подготовила о нём более десятка различных публикаций.

Бродер-Генрих Христианзен «Посещение мастерской»
Публ. по: Ilja Hegaj: Ein Kunstler aus Staryj Oskol. — Salzgitter, 1991. (Пер. с нем. Е. А. Головчанской).

Бродер-Генрих Христианзен — директор музея «Замок Зальдер» в Зальцгиттере (St dtisches Museum Schlo Salder), куратор выставки «Илья Хегай — художник из Старого Оскола» в ратуше города Зальцгиттера (ФРГ) в 1991 году.

Илья Хегай

Работы 1960-х – 1970-х годов, отреставрированные при содействии депутата Белгородской областной Думы А. А. Угарова и финансовой поддержке УК «Металлонвест»

Публикуются впервые

Рабочие материалы, рисунки, эскизы, этюды и картины Ильи Хегая, хранившиеся в архиве художника, открывают нам новые страницы художественного наследия мастера. Работы раннего периода, отставленные художником на долгие годы, для него, живущего новыми идеями, были пройденным этапом. Однако сегодня они помогают нам вернуться к истокам его творчества. Публикуемые работы показывают тонкую, светлую живопись, носящую все признаки своего времени и в живописно-пластических приемах, и в выборе тем, но при этом являющие становление мастера, формирование авторского почерка.

Огромное значение имеет то, что все работы удалось отреставрировать. Благодаря умелой руке реставратора полотна снова заиграли красками, обрели выставочный вид и готовы занять достойное место в экспозициях музеев.

Т. А. Лукьянова,
директор Белгородского государственного художественного музея

РАБОЧИЙ

1960-е. Холст, масло. 79х58.
ГБУК «Белгородский государственный художественный музей»

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ КОМБИНАТ (ТЕМИРТАУ)

1960-е. Холст, масло. 40х78.
Мемориальный музей Алексея Алексеевича Угарова

ВЕСНА

Холст, масло. 59х80

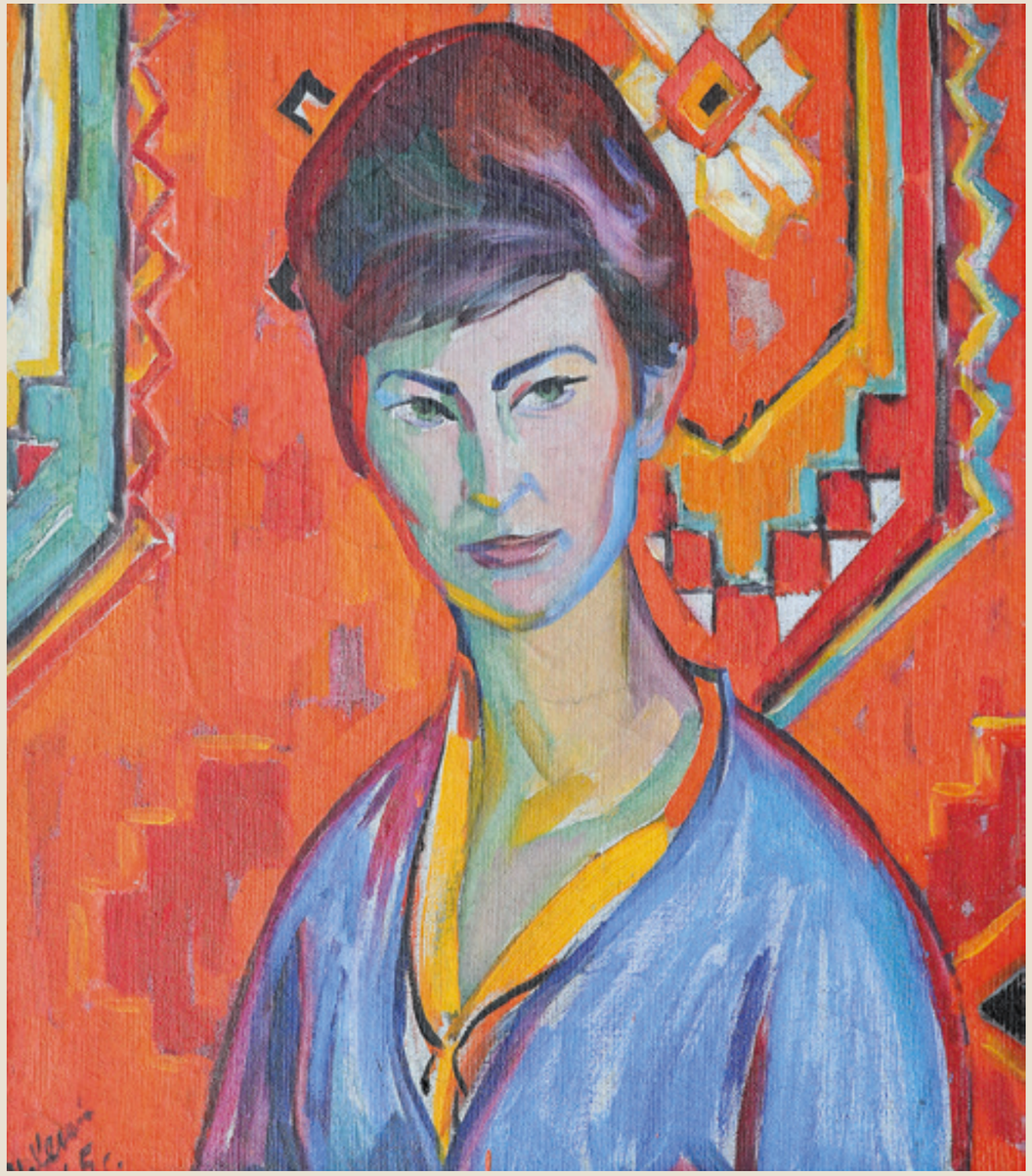
ДЕВУШКА В РОЗОВОМ ПЛАТКЕ

Холст, масло. 58х40

СТЕПЬ

Ок. 1973. Холст, масло. 50х62

ЖЕНЩИНА НА ФОНЕ КОВРА

1965. Холст, масло. 91х62. ГБУК «Белгородский государственный художественный музей»

ЮРТА (СОЛО–ТЮБЕ)

Холст,масло.48х58

КАЗАШКА В ГОЛУБОМ ПЛАТКЕ

Холст,масло. 58х43

ДЕВУШКА В КРАСНОМ САРАФАНЕ

1960-е. Холст, масло. 91х62. ГБУК «Белгородский государственный художественный музей»

СТАРАЯ КАЗАШКА

Холст, масло. 58х44

ПОРТРЕТ КАЗАШКИ

1960-е. Холст, масло. 99х120.
ГБУК «Белгородский государственный художественный музей»

СТУДЕНТКА С БАНТОМ

Холст, масло. 57х40

ОКРАИНА (ПРИБАЛТИКА)

1960-е. Холст, масло. 57х60. МКУК «Валуйский историко-художественный музей»

ПОЛЯ

Холст, масло. 52х66

БРЮНЕТКА

Холст, масло. 58х40

ВЫСОКАЯ КОРЕЯНКА

Холст, масло. 183х80

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ

Холст, масло. 60х55

УЛИЦА (ПРИБАЛТИКА)

1960-е годы. Холст, масло. 50х57. МКУК «Старооскольский художественный музей»

ЖЕНЩИНА В КРЕСЛЕ

1960-е. Холст, масло. 118х100. ГБУК «Белгородский государственный художественный музей»

ДОЯР

Ок. 1972. Холст, масло. 70x80

ЗИМА

Холст,масло. 127х92

ПРОФЕССОР

Холст,масло. 110х79

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ

Холст, масло. 52х39

ДЕРЕВЬЯ В ЦВЕТУ

Холст, масло. 64х68

ДЕТИ,
ИГРАЮЩИЕ
В ПЕСКЕ

Холст, масло. 95x142

СТАРЫЕ ДОМА

Холст, масло. 53х67

УЛОЧКА СТАРОГО ГОРОДА

Холст, масло. 57х60

ДОЯРКИ

Холст, масло. 100х80

КОРЕЯНКА

Холст, масло. 61х52

ОСЕНЬ

Холст,масло. 118x149

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 3

Владимир Нешумов. Биография художника-живописца Ильи Николаевича Хегая (по август 1990 года) 4

Лира Абдуллина. В мастерской художника 30

Рустем Кутуй. Круги перетекающие 32

Надежда Кравченко.. Художник Хегай 37

Бродер-Генрих Христиансен. Посещение мастерской 39

Комментарии 44

Илья Хегай. Работы 1960-х–1970-х годов 49

Хегай в кругу друзей
Статьи и материалы

Старый Оскол, 2019 г.

Составление, подготовка текста и комментарии: Л. Н. Анпилова.
Дизайн, макет, компьютерная вёрстка: Н. В. Стахурская.
Фотосъёмка картин: В. А. Воронов, Н. В. Стахурская, М. Е. Денисов.

Сдано в набор 20.06.2019. Подписано в печать 15.08.2019.
Формат 210х280. Бумага 150 г/м3 мелованная матовая.
Тираж 200 экз. Заказ № 3521 от 18.06.2019 г.
Гарнитура GaramondC. Печать офсетная.

Отпечатано: ЗАО «Белгородская областная типография»
Адрес: Россия, 308002, г. Белгород,
пр. Б. Хмельницкого, 111 а, тел. 26-25-63